

ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РУДИ РЮКЕР
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СОФТ·ТЕЛО

18+

Фантастика: классика и современность

Руди Рюкер

Обеспечение: Софт. Тело

«Издательство АСТ»

1982, 1988

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Рюкер Р.

Обеспечение: Софт. Тело / Р. Рюкер — «Издательство АСТ»,
1982, 1988 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-154016-6

Руди Рюкер – американский писатель-фантаст, математик, соавтор Брюса Стерлинга и Пола Ди Филиппо, один из пионеров киберпанка. Разрабатывал свою собственную версию киберпанка – «трансреализм», описывающий знакомые широкому читателю сюжетные линии и образы посредством фантастических терминов. Темы и идеи тетралогии «Обеспечение» (Ware, 1982–2000) впоследствии были подхвачены и растиражированы многими другими авторами. 2001 год. Разумные роботы-бопперы, построившие огромный город на Луне, выступают с манифестом, в котором отказываются следовать Правилам Азимова и подчиняться диктату человеческой расы. Тем не менее они сотрудничают с землянами, регулярно поставляя им выращенные на специальных фермах донорские органы – глаза, пальцы, почки и многое другое. Но хрупкое перемирие не может длиться долго. Часть бопперов озабочена подчинением своих же братьев, другая строит зловещие планы похищения людей и замены их на почти идентичных двойников. Война уже на пороге, но есть ли в ней смысл? Есть ли шанс на победу у людей, которые сделали бопперов слишком человечными? И есть ли он у бопперов, которые переняли у своих создателей не только коммуникативные и социальные навыки, но и пороки?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-154016-6

© Рюкер Р., 1982, 1988

© Издательство АСТ, 1982, 1988

Содержание

Софт	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	62
Глава 14	66
Глава 15	73
Глава 16	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Руди Рюкер

Обеспечение: Софт. Тело

Серия «Фантастика: классика и современность»

Rudy Rucker
SOFTWARE WETWARE

Перевод с английского
Б. Кадникова, О. Колесникова

Печатается с разрешения литературных агентств The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

© Rudy Rucker, 1982, 1988

© Перевод. Б. Кадников, О. Колесников, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Софт

Посвящается Элу Гумбольду, Эмбри Рюкер и Дэннису Поаджу

Глава 1

Как правило, Кобб Андерсон держался дольше, но ведь не каждый день видишь в море дельфинов. Дельфинов было двадцать, а может, и все пятьдесят, они весело кувыркались среди серых маленьких волн, то и дело выпрыгивая из воды. Наблюдать за ними было приятно. Кобб решил, что это не иначе как знамение, и отправился за вечерней бутылкой шерри на час раньше обычного.

Входная дверь – каркас с сеткой от москитов – со стуком захлопнулась за ним, и несколько секунд он стоял в нерешительности, ошалев от послеполуденного солнца. Из окна соседнего коттеджа его разглядывала Энни Кашинг. Она слушала битлов – из ее уютного гнездышка доносилась музыка.

– Ты забыл надеть шляпу, – крикнула она Коббу.

Широкоплечий, с бородой Санта-Клауса, Кобб все еще оставался видным мужчиной. Энни с удовольствием затеяла бы с ним интрижку, не будь он таким...

– Мне не нужна шляпа, Энни. Ты видела дельфинов? Видела, как они радостно резвятся? Мне не нужна шляпа, Энни, и жена не нужна тоже.

Кобб повернулся и, разминая затекшие ноги, слегка скованно зашагал к асфальтовой дороге, с хрустом дробя каблуками белые хрупкие раковины.

Энни взялась за расческу и снова занялась своими волосами. Благодаря использованию гормонального спрея ее светлые локоны оставались длинными и густыми. Ей было шестьдесят, и на ощупь она была отнюдь не костлявой. Проводя раз за разом гребнем по волосам, она лениво раздумывала, насколько велики шансы, что Кобб пригласит ее на Золотую Годовщину в следующую пятницу.

Длинный заключительный аккорд из «Day in the Life» повис в воздухе. Спроси кто-нибудь Энни, какую песню она только что слушала, она не смогла бы ответить – вот уже десять лет, как любая музыка перестала вызывать в ее душе какой-либо отклик, – но она неторопливо пересекла комнату и перевернула пластинку. «Мне все это так надоело, – подумала она в тысячный раз. – Хоть бы что-нибудь произошло».

В «Суперетта» Кобб взял кварту охлажденного дешевого шерри и присоединил к излюбленному напитку мокрый бумажный пакетик вареного арахиса. Теперь у него было почти все, что нужно. Оставалось найти чем занять глаза.

Выбор журнальчиков в «Суперетта» не шел ни в какое сравнение с тем, что можно было найти в «Кокосах». После непродолжительных раздумий Кобб остановился на газетенке любовных объявлений «Поцелуйи и Разговоры». Почитать этот листок всегда было занятно, там попадалось немало любопытного, а кроме того, подателями большинства объявлений в нем были такие же семидесятилетние хиппи, как и сам Кобб. Он сложил газету так, чтобы наружу выступал только заголовок «ПОЖАЛУЙСТА, СОЖМУРЬ МЕНЯ».

«Интересно, сколько можно смеяться над одной и той же шуткой», – думал Кобб, стоя в очереди в кассу. С каждым днем секс начинал казаться ему все более и более странным занятием. Его взгляд переместился на стоящего впереди мужчину в светло-голубой шляпе из пластиковой сетки.

Сосредоточившись на шляпе, Кобб увидел перед собой измятый голубой цилиндр. Расфокусировав взгляд, он смог проникнуть сквозь отверстия сетки и увидеть плавную кривую гладкой лысины под ней. Черепахи складки кожи на шее и лысина; костистая пятерня, бережно сгребаящая с конторки мелочь. Знакомые черты.

– Привет, Фаркер.

Фаркер закончил обследование выданных ему монеток и развернулся. Заметил в руках Кобба бутылку.

– Не рановато ли для «часов отдохновения душевного»?

В голосе звучали ворчливые нотки. Фаркер считал своим долгом проявлять о Коббе отеческую заботу.

– Сегодня пятница. Жмурь крепче, старина.

Кобб продемонстрировал Фаркеру заголовок газеты.

– Семь восемьдесят пять, – сообщила кассирша Коббу. Ее светлые волосы были завиты и разукрашены перышками. Она сильно загорела, эта кассирша. Кожа приятная для глаз, гладкая и, наверное, мягкая.

Кобб удивленно изогнул губу. Он уже успел сосчитать стоимость покупки и теперь сжимал деньги в кулаке для расчета.

– Мне казалось, должно быть шесть пятьдесят.

Поневоле он принялся снова вспоминать и складывать цифры.

– Номер моего абонентного ящика, – ответила кассирша, кивнув на газетенку. – В «Поцелуях и Разговорах».

Женщина игриво улыбнулась и забрала у Кобба деньги. Она гордилась объявлением, которое отослала в газету в этом месяце. Она специально заказывала свое художественное фото в ателье.

Когда они оказались снаружи, Фаркер вернул газетенку Коббу.

– Это не для меня, Кобб. Ты же знаешь, я все еще состою в браке, в счастливом браке. Бог помогает мне.

– Арахису хочешь?

Фаркер достал мокрый неочищенный орех из маленького пакетика. Пытаться очищать арахис трясушимися скрюченными пальцами было бесполезно, поэтому он отправил орех целиком в рот. По прошествии минуты тщательных глубокомысленных операций сплюнул скорлупу в траву.

Поедая мучнистые орехи, они двинулись к пляжу. И тот и другой были без рубашек, только в шортах и сандалиях. Полуденное солнце приятно пригревало их спины. Нарушив уличную тишину, мимо них протарахтел грузовичок Мистера Морозиса.

Кобб с хрустом отвернул колпачок на своей темно-коричневой бутылке и сделал первый сладостный глоток. Попытался вспомнить номер абонентного ящика, который сообщила кассирша, и не смог. Числа больше не держались в его голове. Сейчас вряд ли кто бы поверил, что когда-то он был кибернетиком. Задумавшись об этом, он вспомнил своих первых роботов и то, как он учил их думать самостоятельно...

– Продуктовые посылки последнее время приходят крайне нерегулярно, – пожаловался Фаркер. – А еще я слышал, что в Дейтона-Бич появилась новая секта ритуальных убийц. Они называют себя «малыши-шутники».

Фаркер повернулся к Коббу, чтобы выяснить, слушает тот его или нет. В белой бороде Кобба по углам рта от шерри пробились желтые дорожки, а бесцветные глаза были пусты.

– Да, продуктовые посылки, – выпалил Кобб, внезапно возвращаясь в мир обычных людей. У него была отвратительная привычка поддерживать беседу, тупо повторяя ту последнюю фразу, которую сумело зарегистрировать его сознание. – В последний раз меня просто завалили жратвой.

– Будь осторожнее с едой из этих посылок, – наставительно сказал ему Фаркер. – Там содержатся добавки специальных вакцин. Я скажу Энни, чтобы она проследила.

– Почему все так цепляются за жизнь, черт побери? Я вот бросил жену и переехал сюда, чтобы дожить свои дни в пьянстве и покое. *Она* дожидаться не могла, когда я отвалю. Почему тогда... – Голос Кобба сорвался.

Сказать по правде, он боялся смерти. Он сделал короткий, лечебный глоток из бутылки.

– Будь у тебя на душе покой, ты бы столько не пил, – успокоительно заметил Фаркер. – Пьянство есть признак неразрешенных внутренних конфликтов.

– Без балды? – густым голосом переспросил Кобб. В омывающем его золотом солнечном тепле он ощущал наливающую тело приятную тяжесть. Шерри уже дал о себе знать. – Вот основной мой неразрешенный конфликт. Внутренний. – Он провел пальцем сверху вниз вдоль белого шрама, вертикально рассекавшего его волосатую грудь. – На второе подержанное сердчишко денег у меня уже не хватит. Через год-два эта дешевка лопнет в груди, как перезрелый помидор.

Фаркер поморщился.

– И что с того? Проживи эти два года *как следует*.

Кобб снова провел пальцем по шраму, на этот раз снизу вверх, словно застегивая на нем невидимую молнию.

– Я хорошо помню, как это было, Фаркер. Я помню это на вкус. Это самое худшее воспоминание моей жизни.

Он закрыл глаза и вздрогнул от поднявшихся из глубин памяти темных воспоминаний... острые зубы, облака с рваными краями... и не сказал больше ничего.

Фаркер взглянул на наручные часы. Ему пора было идти, иначе Цинция могла бы подумать...

– Знаешь, как сказал Джимми Хендрикс? – спросил его Кобб. Знаменитые слова снова придали гулкость его голосу. – «Когда придет мне время умирать, я сделаю это один. Так что покуда я жив, не мешайте мне жить так, как мне нравится».

Фаркер покачал головой:

– Взгляни правде в лицо, Кобб. Если бы ты не пил, ты мог бы заработать большие деньги. Гораздо больше, чем заработал с бутылкой в руке.

Решительным жестом Фаркер отверг возражения, уже готовые сорваться с губ друга.

– Мне пора возвращаться. Счастливо.

– Пока.

Кобб добрал до конца асфальтовой дорожки, перевалил через небольшую дюну и вышел на пляж. Сегодня на пляже не было ни души, и он уселся под своей любимой пальмой.

Время от времени налетал легкий бриз. Принося с собой мелкие песчинки, ветер ласкал лицо Кобба, забирался под его белоснежные усы. Дельфины больше не появлялись.

Прихлебывая шерри, он предался воспоминаниям. Думать можно было обо всем, кроме двух вещей: собственной смерти и жены Верены, которую он бросил. Шерри помогал ему удерживаться вдали и от того, и от другого.

Солнце уже клонилось к закату, когда перед ним появился незнакомец. Широкоплечий и стройный, сильные руки и волосатые ноги, округлая белая борода. Как у Санта-Клауса или Эрнеста Хемингуэя в тот период, когда он решил испробовать на себе свою охотничью двустволку.

– Привет, Кобб, – сказал ему мужчина. Незнакомец был в солнечных очках и имел вид странно-тревожный. Его шорты и спортивная рубашка блестели.

– Не хотите глотнуть? – Кобб протянул незнакомцу полупустую бутылку. «С кем это я разговариваю? – подумал он. – Если только это вообще мне не мерещится».

– Нет, спасибо, – поблагодарил незнакомец и уселся рядышком на песке. – На меня эта штука совсем не действует.

Кобб посмотрел на мужчину внимательней. Что-то в нем показалось знакомым...

– Пытаетесь вспомнить, где меня видели? – спросил его незнакомец. – Все очень просто: я – это вы.

– Кто?

– Вы – это я.

Незнакомец улыбнулся Коббу его собственной, скупой и жесткой улыбкой.

– Я механическая копия вашего тела.

Лицо было здорово похоже, и даже шрам, виднеющийся в незастегнутой рубашке, был на месте. Шрам от сердечного трансплантата. Единственное, чем двойник отличался от Кобба, было равнодушие к окружающему, подвижность и здоровье, которым от него так и пышело. Ладно, назовем его Кобб Андерсон – второй. Кобб-второй не пьет. Кобб почувствовал зависть. После того как ему сделали операцию и он бросил жену, у него не было ни одного целиком трезвого дня.

– Откуда вы взялись?

Робот развел рукой, держа ее ладонью вверх. Коббу понравилось, как этот жест выглядит со стороны.

– Этого я сказать не могу, – ответила машина. – Вы же знаете, как к нам относятся большинство людей.

Кобб со смешком кивнул. Уж кто-кто, а он это знает. Вначале, после того как было объявлено, что первый лунный робот Кобба прошел все ступени саморазвития и превратился в боппера, публика готова была его, Кобба, на руках носить. Но потом грянул 2001-й – год знаменитого переворота, возглавленного Ральфом Числером. После этого Коббу пытались пришить дело о государственной измене. Усилиями воли он вернулся к действительности.

– Если ты боппер, то каким образом находишься... здесь? – Кобб обвел рукой широкий круг, указав на разогретый пляж и уходящее за горизонт солнце. – Такая жара. Насколько мне известно, основу бопперов составляют сверхохлажденные проводники. Где у тебя находится холодильная установка, в животе?

Андерсон-второй снова, очень знакомо, махнул рукой.

– Об этом я вам тоже не скажу, Кобб, по крайней мере, сейчас. Позже вы все узнаете сами. А пока возьмите-ка это...

Робот засунул руку в карман шорт и вытащил оттуда пачку банкнот.

– Двадцать пять кусков. Мы хотим, чтобы вы улетели в Диски завтра же. Там вас встретит Ральф Числер. Вы увидите с ним в музее, в зале Андерсона.

При мысли о возможности снова повидаться с Ральфом Числером у Кобба потеплело на душе. Ральф, его первое и самое талантливое детище, самопрограммирующаяся модель, освободившая остальных своих братьев. Однако...

– Мне не дадут визу, – ответил Кобб. – Я в этом уверен. Мне не разрешено покидать территорию Гимми.

– Предоставьте нам позаботиться об этом, – деловито отозвался робот. – Оформить формальности вам помогут. Мы над этим уже работаем. В ваше отсутствие я буду вас здесь подменять. Все продумано, никто ничего не заметит.

Напористость и настойчивость лишенного сомнений тона машины показали Коббу подозрительными. Он глотнул шерри и попытался сыграть заковыристого парня.

– А в чем, собственно, дело? Почему я должен лететь на Луну? Мне этого совсем не хочется. И что от меня хотят бопперы?

Андерсон-второй окинул подозрительным взглядом пляж и придвинулся ближе.

– Мы хотим предложить вам бессмертие, доктор Андерсон. После всего того, что вы для нас сделали, это самое малое, чем мы можем вас отблагодарить.

Бессмертие! Слово, напоминающее распахнувшееся настежь окно. Когда смерть так близка, многое перестает иметь значение. Но если это возможно...

– Каким образом? – потребовал разъяснений Кобб. С этими словами он вскочил на ноги. – Каким образом вы собираетесь сделать меня бессмертным? Может, вы мне и молодость заодно вернете?

– Ну зачем так волноваться, – сказал робот, тоже поднимаясь. – Вам вредно перевозбуждаться. Просто доверьтесь нам. При имеющихся в нашем распоряжении количествах искусственно выращенных органов мы можем перестроить ваше тело полностью. В вашем распоряжении будет столько интерферона, сколько понадобится.

Механический человек честным взглядом посмотрел Коббу в глаза. Ответив на взгляд машины, Кобб отметил для себя, что ее искусственные органы зрения выполнены не самым лучшим образом. Маленькие голубые кружки радужки казались слишком плоскими и ровными. В конце концов, этот глаз был не более чем стеклом, обычным, ничего не отражающим стеклом.

Двойник попытался впихнуть в кулак Кобба деньги.

– Берите деньги и купите билет на челнок, завтра же. В космопорте в помощь вам будет приставлен молодой человек по имени Торч.

Откуда-то из-за дюн послышалась быстро приближающаяся музыка. Грузовичок Мистера Морозиса, точно такой же, какой Кобб видел недавно, подрулил к пляжу и остановился в отдалении. Белый грузовичок, вполне обычный, с большим холодильником в задней части кузова. Наверху кабины торчит гигантский улыбающийся пластиковый рожок эскимо. Двойник хлопнул Кобба по плечу и зашагал к выходу с пляжа.

Добравшись до грузовичка, робот обернулся и широко улыбнулся Коббу. Два ряда желтых зубов проявились в белой бороде. Первый раз за последний год Кобб понравился самому себе – стройный широкоплечий старик с живыми глазами.

– Счастливо! – крикнул он в ответ, махнув пачкой денег. – Спасибо!

Кобб Андерсон – второй упруго запрыгнул на подножку грузовичка и уселся на место рядом с водителем, голым по пояс толстяком с коротко подстриженными волосами ежиком. Грузовик тронулся с места, и музыка сразу утихла. Опускались сумерки. Ворчание мотора грузовичка постепенно слилось с шелестом морских волн и пропало. Если только было вообще.

Но незнакомец только что был здесь, рядом с ним! В кулаке Кобб сжимал двадцатипяти тысячную пачку долларов. Чтобы убедиться в этом, он пересчитал деньги дважды. Потом написал на песке перед собой цифру 25 000 и посмотрел на нее. Это была пропасть денег.

К наступлению ночи он прикончил шерри и под влиянием внезапного порыва, засунув деньги в пустую бутылку, закопал ее под пальмой под слоем песка в метр толщиной. Радостное возбуждение постепенно ушло, сменившись страхом. Сумеют ли бопперы сделать его *на самом деле* бессмертным при помощи хирургии и интерферона? Может быть, они хотят его обмануть? Но для чего?

С виду все было сплошной липой. Ловушкой. Но к чему бопперам врать ему? Они отлично помнят добро, которое он им сделал, в этом не было сомнений. Возможно, они просто решили устроить ему каникулы. Что ж, и на том спасибо. Он с удовольствием повидается с Ральфом Числером.

Возвращаясь по пляжу домой, Кобб несколько раз останавливался, испытывая неудержимое желание вернуться назад, выкопать бутылку и еще раз посмотреть на деньги. Светила полная луна, и он видел всех до единого песчаных крабов, выбирающихся из своих нор на ночную охоту. «Крабы могут забраться в бутылку и порвать купюры», – похолодев, подумал он и снова остановился в нерешительности.

Его желудок сжимался от голода. Ему срочно нужно было подзарядиться шерри. Он двинулся по серебристому песку, скрипящему под сандалиями, дальше. Вокруг было светло как днем, все сияло в черно-белой палитре. По правую руку от него катилась по небу гигантская луна. «Полная луна означает высокий прилив», – вдруг подумал он и вздрогнул.

Он решил, что перепрячет деньги куда-нибудь подальше от воды, как только перекусит и как следует глотнет шерри.

Не доходя шагов десяти до своего коттеджа, он заметил темный силуэт Энни Кашинг, сидящей в кресле-качалке на своем крыльце. Соседка дожидается его возвращения, чтобы заманить в сети. Кобб резко повернул направо и пробрался в дом через заднюю дверь незамеченным.

Глава 2

Стэн Муни, сидя в коттедже Кобба, повернулся, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее в продавленном брезентовом трубчато-алюминиевом шезлонге. Присмотревшись к белолицей старухе на крыльце ближайшего коттеджа, он подумал о том, не догадается ли она предупредить своего соседа о засаде. Муни обосновался в жилище Кобба засветло и просидел тут до темноты.

Не зажигая свет, он выбрался из шезлонга и прошел в кухню-закуток, чтобы разыскать там что-нибудь съестное. В холодильнике в глаза ему бросился отличный стейк из тунца, упакованный в прозрачный пластик, но он не стал его трогать. Вся еда жмуриков проходила стерилизацию при помощи кобальта-60 для продолжительного сохранения. Ученые Гимми утверждали, что эта процедура совершенно безвредна, но никто, кроме жмуриков, этой снеди в рот не брал. Как-то так уж вышло. Жмурикам не из чего было выбирать. Это была единственная еда, которая была в их распоряжении.

Муни присел перед холодильником на корточки и поискал глазами содовой. Поднимаясь снова, он сильно ударился головой об острый выступ, заставив желтую лампочку внутри холодильника мигнуть и от сотрясения разгореться ярче.

– Чертово сраное дерьмо, – сдавленно выругался он, повернулся и возвратился в гостиную несолоно хлебавши. От удара парик у него на голове сполз на сторону. Шипя от боли и оправляя свой резиновый головной убор, он снова устроился в мерзком сиденье. Он терпеть не мог жмуриков и покидал территорию базы только в самых крайних случаях. Но сейчас случай был экстраординарным: Андерсона он видел собственными глазами, бегущего от грузового ангара космопорта к забору. Старикан совершил кражу со взломом. На полу ангара были обнаружены два пустых контейнера, два контейнера из-под почек, выращенных бопперами. Эти почки стоили кучу денег. На черном рынке в местах обитания жмуриков такие почки шли шибче, чем хот-доги.

Слишком много развелось старичья. Беби-бумеры сороковых и пятидесятых, молодые революционеры шестидесятых и семидесятых, безработные восьмидесятых и девяностых, все одно и то же поколение. Теперь неумолимый ток времени вынес эту часть человечества в двадцать первое столетие – количество пожилых людей больше, чем любое сообщество знало до сих пор.

Ни у кого из них не было денег... к 2010 году все социальные службы были сведены Гимми на нет. На приличную старость требовались космические суммы. Образовался новый тип пожилых горожан: старики-чудаки – жмурики.

Для предотвращения массовых волнений Гимми было принято решение о передаче всего штата Флорида в распоряжение жмуриков. Здесь не взималась рента за жилье и бесплатно распределялись продуктовые посылки. Жмурики сбивались в табунчики и «занимались своим делом». Жили в заброшенных мотелях, слушали старую чудную музыку и танцевали так, как это было принято в 1963-м. Ради бога, никому до этого дела не было.

Внезапно прямоугольник двери черного хода, выходящего к пляжу, распахнулся, осветившись сиянием луны. Без раздумий Муни вскинул свой фонарь, направив мощный луч вошедшему прямо в лицо. В дверном проеме, слепо мигая глазами, испуганно замер старый Кобб Андерсон, слегка подшофе, но достаточно высокий и плечистый, чтобы суметь доставить неприятности.

Муни выбрался из шезлонга и обыскал Кобба, потом включил верхний свет.

– Садитесь, Андерсон.

Старик растерянно повиновался.

– Вы тоже я? – хрипло спросил он.

Увидев, как Андерсон постарел, Муни просто не мог поверить своим глазам. Знаменитый кибернетик всегда казался ему похожим на отца – и это означало, что отец сейчас выглядит примерно так же.

Дверь на крыльце скрипнула.

– Осторожно, Кобб, внутри свинья!

Соседская ягодка.

– Ты, быстро тащи сюда свою задницу! – гаркнул ей Муни, взгляд которого метался туда-сюда. Он помнил о том, чему их учили в полицейской школе: «Лучший способ самозащиты – вселить страх в своего противника». – Вы оба арестованы!

– Хренова казенная свинья, – сказала Энни, входя в дом. Она была рада возможности почесать языком. Энни плюхнулась в гамак рядом с Коббом. Она сплела этот гамак Коббу сама, но пользовалась им вместе со своим соседом. Она успокоительно похлопала Кобба по ноге. На ощупь его конечность напоминала кусок дерева-плавника.

Муни нажал кнопку включения диктофона в нагрудном кармане рубашки.

– Сидите тихо, леди, и мне не придется применять к вам силу. Теперь назовите ваши имена.

Сдвинув брови, он уставился на Кобба.

Но старик уже успел прийти в себя.

– Брось валять дурака, Муни, – прогрохотал он. – Мы с тобой знакомы. Только раньше ты обращался ко мне «доктор Андерсон». «Доктор Андерсон, сэръ!» Так было, когда армия строила центр управления лунными роботами в космопорте. Двадцать лет минуло с тех пор. Тогда я был большим начальником, а ты... ты был винтиком, рядовым сторожевым псом. Благодаря мне боевые лунные роботы превратились в бопперов, а дурацкий военный центр управления стал никому не нужным символом идиотского шовинизма.

– Но и вы свое получили, разве не так? – ловко встрял Муни. – Вы заплатили всем, что у вас было... и теперь у вас нет денег даже на необходимые вашему старому телу органы. И потому вы решили взломать ангар и присвоить пару контейнеров человеческих почек, верно, Кобб?

Муни убавил у диктофона громкость.

– ПРИЗНАВАЙСЯ! – внезапно заорал он, хватая Кобба за плечи. За тем он и пришел – вытрясти из старика признание. – ПРИЗНАВАЙСЯ СЕЙЧАС ЖЕ, И ТОГДА СМОЖЕШЬ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОБЛАЖКИ!

– ЧУШЬ СОБАЧЬЯ! – завизжала в ответ Энни, вскочив на ноги и целиком готовая к бою. – Прошлой ночью Кобб не мог ничего украсть. Мы вместе выпивали в баре «У седых»!

Кобб задумчиво молчал. Дикие обвинения Муни ни в какие ворота не лезли. Да и Энни говорила правду. Он не бывал у космопорта вот уже, наверное, целый год. Но после встречи с роботом-двойником нелегко было сохранять честные глаза.

Муни заметил выражение сомнения на лице Кобба и принялся давить снова.

– Конечно же, я отлично вас запомнил, доктор Андерсон, сэръ! И потому сразу же узнал вас, когда вы удирали со Склада Три прошлой ночью. – Муни сбавил тон, его голос потеплел, сделался вкрадчивым. – Вот уж не думал, что джентльмен вашего возраста способен бегать так быстро. Давайте начистоту, Кобб. Верните почки, и тогда, возможно, нам удастся замять дело.

Внезапно в голове Кобба вспыхнул свет – он все понял. Бопперы послали его механического двойника с Луны на Землю упакованным в контейнер с надписью «ПОЧКИ». Прошлой ночью, дождавшись темноты, робот выбрался наружу, проломил дверь или стену ангара и вырвался на волю. И дурачина Муни видел не его, а робота, бегущего робота. Но он говорил о двух контейнерах. Что было во втором?

Энни снова визжала, ее раскрасневшееся лицо и нос Муни разделял не больше чем фут.

– Ты что, оглох, свинья? Говорю тебе, мы были в баре «У седых»! Можешь пойти туда и спросить бармена!

Муни вздохнул. Он сам решил провести это расследование и теперь с сожалением видел, как легкое готовое дело рушится на глазах. Вчерашний взлом на Складе Три был уже вторым в этом году. Он снова вздохнул. В крохотном коттедже было слишком жарко. Он стащил резиновый парик, чтобы дать лысине остыть.

Энни истерически хихикнула. Она была довольна собой. Она не понимала, почему Кобб продолжает хмуриться и не торопится присоединиться к ее веселью. У этого чинуши ничего на него нет. Все превратилось в анекдот.

– Не думайте, что вам удалось отвертеться, Кобб, – сказал Муни, поглаживая пальцем диктофон. – За вами не все чисто, это ясно. Нам известен мотив, способ преступления, ваши сообщники... У меня в лаборатории есть даже ваше фото с видеозаписи. Если этот парень в баре не подтвердит ваше алиби, я сразу же свезу вас на базу.

– У тебя нет права здесь находиться, – снова пошла в наступление Энни. – Это противоречит Акту о Проживании Граждан Старшего Возраста. Свиньи с базы не имеют права у нас появляться.

– Вламываться в ангар космопорта тоже никто не имеет права, – отрезал Муни. – Очень много молодых и продуктивных молодых людей рассчитывают на эти почки. Ваш сын может быть одним из них.

– А мне плевать, – огрызнулась Энни. – Так же как и вам плевать на нас. Вы хотите навесить на Кобба дело, потому что он помог роботам вырваться из-под вашей власти.

– Если бы роботы остались под нашим контролем, нам не пришлось бы им платить. И склады в космопорте стояли бы в целостности и сохранности. И для людей, занятых в производстве полезных...

Внезапно почувствовав усталость, Муни замолчал. Спорить с такой упрямой стервой, как Энни Кашинг, смысла не было. Вообще в спорах смысла не было. Он потер ладонью голый череп и снова надел парик.

– Пошли, Андерсон, – сказал он и поднялся.

С тех пор как Энни объявила о его алиби, Кобб не вымолвил ни слова. Его волновали другие вещи, более серьезные... например, поднимающийся прилив и крабы. Он живо представлял себе самого шустрого из крабов, деловито устраивающего себе гнездо из клочков никчемных бумажек в пустой бутылке из-под шерри. Он даже слышал, как рвутся в клешнях краба купюры. Он, наверное, действительно здорово напился, если решил закопать деньги на пляже. Но *если бы* он не спрятал деньги, Муни наверняка нашел бы их. Прямо сейчас...

– Пошли, – повторил Муни, нависая над широкоплечим стариком.

– Куда? – тупо спросил Кобб. – Я ни в чем не виноват.

– Этот фокус у вас не пройдет, Андерсон.

Господи, кто б знал, до чего Стэну Муни была ненавистна эта дряхлая пропитая борода-тая физия. С малых лет он отлично помнил, как его собственный отец заначивал бутылки по всему дому, как он бился в белой горячке. Определенно зрелище не для маленького мальчика. «Помоги мне, Стэнни, не позволяй им забирать меня!» А кто поможет Стэнни? Кто поможет маленькому мальчику, у которого отец – никчемный пьяница-жмурик? Он схватил старого, ветхого клоуна за плечи и рывком поднял на ноги.

– Оставь его в покое! – снова заголосила Энни, цепляясь за одежду Муни. – Убери от него свои грязные лапы, ты, казенная свинья!

– Здесь что, только глухие собрались? – спросил Муни чуть не плача. – Я хочу дойти до бара «У седых» и проверить алиби вашего дружка, только и всего. Если алиби подтвердится, я *уйду*. Дело будет закрыто. Пошли, ребята. Я куплю вам выпивку.

Похоже, ему наконец удалось зацепить стариков. Что они находят в своем зелье, эти старые пьянчуги? Что за радость гробить свои мозги? Какое удовольствие в том, чтобы бросить свою семью и допиться до такой степени, чтобы забывать дни недели?

Иногда у Муни появлялось чувство, что он последний человек на земле, кто отказывается плыть по течению. Его папаша был таким же пьяницей, как и Андерсон, его жена Беа каждый вечер пропадала в секс-клубе, его сын... его сын официально изменил имя Стэнли Хилари Муни – младший на Торч Муни – первый. Его двадцатипятилетний оболтус курит всякое дерьмо, крутит баранку в Дейтона-Бич и знать ничего не хочет. Муни еще раз вздохнул и шагнул к двери маленького коттеджа. Старики поднялись и двинулись за ним, обрадованные дармовой выпивке.

Глава 3

Возвращаясь в пятницу вечером на гидрогенном мотоцикле, с двигателем на водороде, с работы домой, Торчок внезапно почувствовал тошноту. Во всем виновата кислота. Перед тем как поставить машину на уик-энд, он закинулся «черной звездой». Сколько часов назад это было? Час? Или два? Электронные цифры на часах подмигнули ему, бессмысленные, как палочки. Он должен продолжать двигаться, делать что-то, иначе отруба не миновать.

Слева его обгоняли машины, справа в разрывах между домами призывно голубел океан. Возвращаться домой было неважно. Вчера он изрезал ножом весь диван.

Торчок повернул руль направо и с разгона перескочил через бордюр тротуара. Потянул за тормоз, и мотоцикл кашлянул, толчком остановился и заглох. Теперь приковать этого сукина сына. «Цепей бант не спасет от цепей банд. Оставь мелочь на траву», – грохотали у него в ушах разные голоса.

Из окна на втором этаже высунул голову какой-то парень и уставился вниз. Заметив Торчка, парень широко и издевательски улыбнулся. Улыбка как приклеенная так и замерла у него на губах. В течение секунды Торчку казалось, что он смотрит на свое отражение. «Лязг, щелк». Ему уже нужно промочить горло, это точно. Вокруг становилось слишком шумно и суетно. Место, перед которым он припарковался, отель «Лидо», а точнее, просторный бар на первом этаже отеля, выбрали для тусовки головы-серферы. «Мондо-мамбо. Правда ли, что каждый блондин так любит море и джин?»

Торчок взял себе пива и вышел на длинный балкон-козырек над пляжем. В дальнем конце козырька несколько тинейджеров-серферов делили банку спрея «Зет». Один из пацанов безостановочно раскачивался на ножках своего стула и визгливо хихикал: «Хвик, хвик». Обнюхавшиеся придурки.

Торчок уселся за пустой столик под зонтиком, вскрыл негнушимися пальцами банку и махом опорожнил половину. Проклятие, слишком быстро заглотнул. Теперь в животе полно воздуха. Попробовать отрыгнуть: «Ырг, ырг, ы-ыр-рг-г-г». Рот Торчка наполнился противной белой пеной. Над морем, параллельно воде, пролетело несколько пеликанов.

На козырьке противно воняло сладким «Зет». Серферы уже начали поглядывать на него. Коп? Браток? Или педик? «Ырг, ырг, ырг». Снова пена во рту. Откуда только берется? Он заглянул в питьевую дырочку своей банки, сплюнул туда и следом бросил окурочок.

Оставив банку на столике, он спустился по лесенке на пляж. Его кислотные трипы всегда проходили кое-как. Почему такая непруха? Почему зрелый и многое испытавший на своем веку человек не может как следует оттянуться? Зачем они торгуют дерьмом, от которого только пучит живот? «От стихов мне становится скучно. И лишь во власти Бога разорвать мой ум на куски».

– Улет, – задумчиво пробормотал Торчок себе под нос. – И облом. И улет. И облом.
«И что еще?»

Его тошнит, вот-вот вырвет. В животе словно включилась неторопливая мешалка. Сам живот толстый, пухлый и рыхлый, весь в отслоениях сала, тухлого мяса динозавров, шматках цыплячьего жира. Океанский бриз скинул прядь сальных, невымытых волос Торчку в глаза. «Рожки да ножки, рожки да ножки, только и всего».

Он шел к воде, массируя живот обеими руками, стараясь разогнать жир. Самое смешное в том, что он худой как скелет. Он вообще почти ничего не ест. Но жир все равно был, он никуда не девался, прятался от посторонних глаз, похожий на вареный яичный белок, сгусток холестерина. Дегенирированная соединительная ткань.

В устрицах полно холестерина. Как-то раз он налил в пивную бутылку растительного масла и дал приятелю. Здорово было бы сейчас утопиться. Та еще будет заметка в газете!

Торчок сел на песок и стащил с себя одежду, оставшись в плавках. Окна вдоль всего пляжа, тысячи извращенцев за ними уставились на маленький скопческий комок у него в плавках. Он споро выкопал ямку, сложил туда одежду и засыпал песком. Копать песок было приятно, особенно приятно было загонять под ногти песчинки. «Раньше их терли мелом. Теперь она вязкая и белая». Ответ: зубная паста. Ощущение, что кто-то стоит у него за спиной, не проходило.

Выдохшись, Торчок плюхнулся задом на песок, откинулся на спину и закрыл глаза. Он увидел целую череду кругов, которые должен был выровнять вокруг далекого, но понятного белого центра, – слепые пятна его мозгов. Он был устрицей, пытающейся всплыть сквозь толщу воды к солнцу. Он осторожно приоткрыл свою раковину и выглянул в щель.

Прямо около его уха внезапно разразилась буря и запахло гнилятиной. «Шир-фыр, гыр-быр». Слюнявый поцелуй. Над его лицом появилась морда черного пуделя, только что подкрепившегося падалью. Это уж будьте уверены. Торчок рывком поднялся и оттолкнул псину. Мерзкая тварь успела цапнуть его за руку острыми как иглы молочно-белыми зубами.

В дюжине метров стоит блондинистая чикса и блаженно улыбается своей кобеляке.

– Ко мне, Спарки!

Господи, да у нее голос что твой звонок!

Пудель тявкнул и, уставив нос в песок, затрусил к хозяйке. Девушка продолжает обдолбанно лыбиться. «Ну разве мы с моей собачкой не милашки?»

– Иисусе, – простонал Торчок.

Раствориться, расплавиться и утечь к чертовой матери сквозь песок, умереть, вот что ему было нужно, и прямо сейчас. Сплошной облом, слишком все сложно, слишком глубоко во все нужно врубаться.

Он встал, заставив этим тысячи клеток своего головного мозга завизжать от боли. Он должен добраться до воды, должен охолонуться. Пока он брел по воде, чикса не сводила с него глаз. Он на нее даже не смотрел, но все время чувствовал ее глаза на своих плавках. На бесполезном бугорке. «Губчатый кусочек чего-то».

Вода вокруг него вздрогнула от озноба, словно рыба проплыла. Суперкроха, мать ее, шустрость у нее в крови, вживлена программным путем в нервную систему. Когда вода дошла ему до пояса, он присел на корточки, представив свои желеобразные мозги-медузу плавающими в воде под флоридским солнцем. Слабая, малоподвижная медуза, помахивающая щупальцами, «мах», «мах».

«Ырг, ырг, ырг».

Он помотал головой в соленой воде и смыл с губ остатки пивной пены. Маленькие белые пузырьки погнались вверх вслед за перламутровыми пузырьками воздуха, каждый с маленькой вселенной внутри.

Резинка плавков врезалась ему в живот. Снять эти чертовы плавки или не снять?

Торчок покрутил головой, проверяя пляж. Чикса бродила неподалеку, высматривая что-то в песке. Подняла палку и бросила ее в воду: «Вперед, Спарки!» Каждый раз, добыв палку из воды, мокрый четвероногий урод в облепленной шерсти принимался радостно скакать на негнущихся лапах вокруг своей хозяйки. Она что, ждет, что он выйдет из воды голый? Скорее всего, она уже забыла о его существовании. Однако оставались еще извращенцы с биноклями в окнах.

Он двинулся дальше и шел, пока вода не поднялась ему до подбородка. Еще раз оглянувшись по сторонам, он стащил свои тугие плавки и с облегчением вздохнул. Желеобразное время желеобразных мозгов желеобразно проходит. От воды запахло дерьмом.

Обратно к берегу он возвращался вплавь. Попадающая в ноздри вода имела привкус жести.

Добравшись до мельчинки, он нащупал дно и встал на ноги. И сразу же завопил от ужаса. Он наступил на ската. На обычную безвредную тварь, но живое мускулистое содрогание у него под ступней было слишком похоже на... на мысль, на слово-плоть. Это слово было «ААААУ-УХХ!». Он бросился вон из воды, высоко вскидывая колени, безуспешно пытаясь бежать по воде.

– Ты голый, – кто-то сказал ему и засмеялся, *хм-м-м-хм-м-м-хм-м-м*. Плавки! Высоко на берегу, за грязными стеклами, заблестели стекла биноклей.

– Да я... – Торчок запнулся. Внезапно ему расхотелось идти в туалет и подвергать себя там спазматическому электрошоку. Он вспомнил вибромассажер для ног, который подарил отцу как-то на Рождество. Трясущиеся желтые пластиковые полукружия.

Псина высоко подпрыгнула, пытаясь схватить зубами его пенис. Девчонка захихикала. Смеющиеся сиськи.

Согнувшись в три погибели, он метался по песку целую вечность, пока наконец не увидел высывающийся наружу уголок джинсов. Вырвав из песчаного плена джинсы и майку, он лихорадочно натянул их на себя. Пудель что-то вынюхивал у воды.

– Морская вша, – пробормотал Торчок. – А жизнь – лапша.

Со стороны океана потянулся шум множества лопающихся водяных пузырьков. Солнце катилось в море и тысячи песчинок скрипели, остывая. Каждый звук требовал внимания, *приковывал к себе пристальное внимание*.

– Что с тобой приключилось? – радостно спросила его девчонка. – Куда делись твои плавки?

– Я... Их спер карась.

Черточки на лице чиксы никогда не оставались в покое, все время двигались. Как она выглядит, черт возьми? Что, если завтра утром он проснется и найдет возле себя ведьму? Риск? Понятное дело. Он обреченно упал на песок и, растянувшись во весь рост, закрыл глаза. Кобелек снова нюхнул ему в ухо, и сразу после этого барабанных перепонки, молоточков и наковален Торчка достигли звуки удаляющихся шагов. Он ловил звуки сквозь кости головы, как индеец, слушающий прерию. Торчок с шумом устало выдохнул воздух. Когда-нибудь, хоть раз будет у него время передохнуть?.. Он еще раз вздохнул и расслабился. Свет под его веками разгорался все ярче и ярче. Его голова медленно скатилась набок и легла виском на песок.

Ему вспомнился фильм, фильм, в котором какой-то хмырь отдал концы на пляже. Голова хмыря вот так же медленно скатилась набок. Потом он замер. *Умер*. Естественно отъехал. Последнее движение.

Сдох. Торчок зарычал, поднялся и сел. Ничего не поделаешь, это выше его сил. Чикса и ее псина успели отбрести от него на полсотни метров. Он вскочил на ноги и припустился за ними следом, сначала неуклюже, потом все быстрее, грациозными, летящими скачками!

Глава 4

– ...0110001,– подвел итог Метла.
– 100101,– коротко возразил Ральф Числер, –
0110001100010001100011111000010011001110001000011100110111101000100100100001001000010

Они стояли бок о бок над просторной консолью Единственного. Ральф был похож на высокий кабинетный шкаф, установленный на двух широких тракторных гусеницах. Из его прямоугольного тела в разные стороны высывались пять тонких рук-манипуляторов, его напичканная сенсорами голова покоилась на выдвижной шее. В одном из манипуляторов Ральф держал раскрытый зонтик. На теле Ральфа имелось всего два или три измерительных датчика, и сказать наверняка, о чем он думает, было невозможно.

Метла был более дорогостоящей моделью. Его змеиное тело было скрыто под мерц-покрывом. Каждый раз, когда через суперохлажденный мозг Метлы проносилась очередная мысль, на всей длине его трехметрового тела разгорались неповторяющиеся переливчатые узоры и всполохи света. Из-за торчащих из пасти землеройных принадлежностей Метла немного напоминал дракона Георгия Победоносца.

Внезапно Ральф Числер перешел на английский. Если их спор зашел так далеко, то продолжать его уместнее не на священном двоичном машинном коде, а на языке деспотов-создателей.

– Не понимаю, почему тебя так волнуют чувства Кобба Андерсона, – передал Метле узким лучом Ральф. – После этого он обретет бессмертие. Он лишится своего углеродного тела и мозга, но разве это так уж важно?

Голосовой сигнал, который он излучал, имел тон немного жесткий. Жесткий от возраста.

– Содержание его мозга, вот что главное. У тебя ведь уже бывали наследники, тебе приходилось менять тело? Лично я прошел через это уже тридцать шесть раз, и почему то, что хорошо для нас, должно быть плохо для людей?

– От ффсеххо этоффоо фоннает, Раллффф, – протянул Метла. Голосовой сигнал Метлы был модулирован на основе непрерывного маслянистого шума. – Тффы поотеряллу чужество реаллльноффтти. Мммы на граффни грашшшданссской войффны. Тыыы шшишироко известен, эттсссто тааххк. Тыыых боллльшше не фффноссишшь помммеххи ффф свои ччисссы, каххк осстальныыффе. Знаффешь тыыыых о томммм, скохххлькхх руххдыфф мнхх нушшнооох нннакохххпать длляхх тогохх, чтобыыфф поллуччить от ГЭКС сотнюхх ччипофф?

– Жизнь состоит не только в руде и чипах, – нарочно грубо отрезал Ральф, скрывая смущение. Конечно, основное время он проводит со старшими бопперами и успел уже забыть, что означает быть мелким служащим, как трудно им приходится. Но изливаться в откровениях перед Метлой он не собирался. Он снова пошел в атаку. – Скажи, разве тебя не интересуют культурные достижения Земли? Ты давно не вылезал из шахты и ослеп, друг мой!

Мерц-покрыв Метлы засиял вихрями серебристо-белых эмоций.

– Тыых откаффзываешшь в уффажениихх пошшиломмму и заслушшенноффмму челофффекууух! ТЭКС и МЭКС хоффтятсс съесть его мозгкхх и большше ничегохх. Есссли мыхх не останоффиммм их, большшшие бопфферы съедяттх и насс тожжже!

– Для чего ты позвал меня сюда? – гневно спросил Ральф. – Для того, чтобы растрезвонить на весь эфир, что ты боишься старших бопперов?

Пора было уходить. Он зря только потратил время, зря топтал лунную поверхность до самого кратера Маскелайна. Вся затея встречи с Метлой у консоли Единственного для совместного включения была пустой с самого начала. Предложение крота может затормозить прогресс, и ничего более.

Метла скользнул по сухой породе, приблизив свое тело к Ральфу вплотную. Протянув один из своих захватов, он коснулся им гусеницы Ральфа.

– Ты бых дашше предстаффить себехх не можешшь, сколллькохх мозгофф онихх ужефф присвоиииххлихх.

Сигнал был передан при помощи слабого импульса поверхностного напряжения, заменяющего бопперам шепот.

– Онихх убиффаюххт людейхх тольккохх дляхх тогохх, чтобыххх скохпироффать ихх мозгкхх. Ониххх рассрезаютхх ихх техлла нахх часстих, котохрыыые потоммм используютххся дллях осеммененних нахх производствех искусствехннихх органофф телла. Надеххюсь, ты знаххешш, как устроеххны наши ффаххбрики органнофф?

По правде говоря, Ральф никогда всерьез не задумывался о существовании под поверхностью Луны фабрик человеческих органов, где в поместительных емкостях старшие ТЭКС и работающие на них многочисленные младшие бопперы снимали приличные урожаи почек, печени, сердец и всего остального. Как-то само собой разумелось, что в качестве семени или образцов на таких фабриках использовались натуральные человеческие органы, однако он никогда...

Настойчивый маслянистый шепот продолжал гнуть свое:

– Сстаршие бохппперыхх нанялихх убийсс. Убийссы рабохтаютхх по укаскех рохботофф-манипуляххторофф Мисстеххра Мороссисса. Доххтора Ахндерссона ошшидаетхх печччаххльная учхассть, есси яхх не осстаноффлю вассс, Ральфф...

«Ничтожный подозрительный землекоп, вот кто ты, Метла», – подумал про себя Ральф Числер. Внезапно он грубо прервал контакт с захватом крота и стронулся с места. Наемные убийцы, надо же такое придумать! Одним из недостатков архаического сообщества бопперов была та легкость, с которой подобные слухи могли распространяться. Ральф попятился от консоли Единственного.

– Я наххдеялсса, чччтох Едихнстффенный суммметхх наххпоммнить теххбехх, дллях чеххо тыхх быыыл соссдахн, – прошелестел направленным лучом Метла.

Ральф раздраженно раскрыл свой зонт и выкатился из-под скругленного навеса из пружинистой стали, прикрывающего консоль Единственного от прямых солнечных лучей и случайных метеоритов. Навес, открытый с обоих концов, напоминал собой модернистскую церковь, чем, по сути дела, это сооружение и являлось.

– В душе я тот же анархист, – ровным голосом проговорил Ральф. – И я ничего не забыл.

Его базисная система не подвергалась изменению с самого переворота 2001 года. Неужели Метла действительно думает, что старшие бопперы серии ЭКС представляют для анархического сообщества бопперов угрозу?

Вслед за Ральфом из-под навеса выскользнул Метла. Метле зонтик был не нужен. Мерц-покров крота отражал солнечный свет почти на сто процентов. Землекоп нагнал Ральфа и некоторое время полз с ним рядом, посматривая на старого робота со смесью жалости и уважения. Дальше их пути разошлись. Метла должен был направиться в один из кротовых тоннелей, пронизывающих в этом районе толщу лунной поверхности как соты, путь же Ральфа лежал к двухсотметровой стене кратера, на которую ему предстояло взобраться.

– Я ххоччу пфреххдупредххить техбяхх, – прошипел Метла, делая последнюю попытку. – Ях пойдухх нах всехх, чтохбыхх поммешшать ваххм преххффратиххть этоххо несчаххтноххо пожиллоххо челловекахх ффф чххххсть баххнкофф паххмятихх старшихх бохпперофф. Тохх, чтохх выхх емму гогтоххвитех, нехх ессть бессмертххие. Мых собираххемся разрушхить всех боллльшие машинныхх.

Такого поворота разговора Ральф не ожидал. Это было плохо, по-настоящему плохо. Тре-ожно. Он остановился и несколько секунд молчал, углубившись в вычисления.

– Поступайте как знаете, раз вы наделены такой способностью, – ответил он после раздумий. – Ты прав, нам предстоит сражение, мы будем драться друг с другом. Но борьба и только борьба за существование помогает бопперам двигаться вперед. Ты решил объявить войну старшим бопперам. Я на другой стороне. Может быть, я даже соглашусь передать им мою систему и сольюсь с ними, как это произойдет с доктором Андерсоном. Я повторяю: судьба доктора Андерсона решена. Один из новых удаленных манипуляторов Морозиса уже вступил с ним в контакт.

Метла рванулся к Ральфу, потом остановился, видимо передумав. Он не мог напасть на великого освободителя бопперов, по крайней мере, сам не мог сделать это. Усилием воли Метла подавил ураганное сияние своего мерц-покрова, мигнул сигналом «СОХРАНИТЬ» и, не прощаясь, пополз по лунной пыли к ближайшему черному отверстию тоннеля. За Метлой змеился широкий извилистый след. Ральф Числер несколько мгновений стоял неподвижно, не думая ни о чем, лишь регистрируя поступающую на внешние сенсоры информацию.

Обратив вверх свою антенну, он мог ловить сигналы от всех бопперов со всей Луны. Под его ногами неустанно вгрызались в недра спутника кроты, вынюхивая следы руды, разыскивая новые месторождения. В двадцати километрах от кратера в Диски миллиарды бопперов трудолюбиво исполняли свои функции. Откуда-то издалека из космического пространства до него доносился слабый сигнал БЭКС, огромного боппера, имеющего вид обычного космического корабля, курсирующего по линии Земля – Луна. БЭКС собирался совершить посадку в космопорте Диски через пятнадцать часов.

Позволяя потоку внешней информации свободно омыwać свои сенсоры, Ральф с удовольствием ощущал коллективную целенаправленность расы бопперов. Каждой машине был отведен жизненный срок в десять месяцев – десять месяцев борьбы, посвященной постройке наследника, копии самого себя. Если у тебя есть наследник, то после демонтажа, по прошествии десяти месяцев, ты продолжаешь существование. Ты заслужил это. Ральф миновал назначенный десятимесячный цикл уже тридцать шесть раз.

Стоя в одиночестве под россыпью звезд, он ощущал, как жизни индивидуальностей объединяются в общее гигантское бытие... в создание почти рудиментарного рода, испытывающее неукротимое стремление ползучего растения виться и взбираться вверх к свету, к свободе, к новым уровням.

Чувство единения, переживаемое им после каждой сессии метапрограммирования, давно стало ему привычным. Единственный стирал краткосрочную память, оставляя простор для мыслей о большем. Предоставляя время для размышлений. Ральф в очередной раз проанализировал предложение МЭКС об абсорбировании его системы. После этого жизнь Числера станет спокойной и безопасной... при условии, конечно, что сумасшедшие кроты не устроят революцию.

Ральф разогнался до максимальной скорости, 10 км/ч. До посадки БЭКС ему нужно было многое успеть. В особенности сейчас, когда Метла, усилиями своего жалкого мыслительного микрочипа, решил помешать экстракции ТЭКС системы Андерсона.

Но что так разволновало Метлу? Все будет сохранено в неприкосновенности... личность Кобба Андерсона, его воспоминания, образ мыслей. Что еще желать? Возможно, что Андерсон, узнай он всю правду, сам согласился бы на операцию. Сохранить навсегда свою систему... что может быть важнее этого?

Под гусеницами Ральфа хрустели кусочки вулканической пемзы. До стены кратера – еще сотни метров. На ходу он просканировал крутой утес, отыскивая оптимальный путь для восхождения.

По идее Ральф мог использовать маршрут, по которому спускался внутрь кратера Маскелайна и добирался до консоли около получаса назад, но подключение к Единственному уничтожило все последние малозначительные воспоминания, все автоматически сохраненные суб-

системы. Смысл действия сводился к тому, чтобы заменить старые решения свежими, новыми и, как ожидалось, лучшими.

Ральф остановился, не переставая сканировать склон кратера. Нужно было пометить тропинку сигнальными маячками. Если смотреть вверх прямо от подножия, двухсотметровая стена с четко вырисовывающимся на фоне неба зубчатым краем казалась почти вертикальной. Одна из змеящихся зигзагами вверх по склону расселин выглядела проходимой.

Ральф немного повернулся, и поверхностный датчик немедленно послал в его мозг предупреждающий сигнал. Повышение температуры. Его тело частично высунулось из-под зонтика и осветилось солнцем. Выверенным, точным жестом Ральф изменил положение зонтика.

Поверхность его широкого зонтика была покрыта сеткой солнечных батарей, от которых в цепи Ральфа непрерывно струился приятный ручеек электрического тока. Но главным предназначением зонтика была защита Ральфа от солнечных лучей. При температуре выше 10 градусов по Кельвину (температуры ожигания кислорода) микроминиатюрный процессор Ральфа почти мгновенно выходил из строя.

Нетерпеливо поворачивая свой зонтик то в одну, то в другую сторону, он покатился к присмотренной расселине. Клубочки пыли, вылетающие из-под его гусениц, немедленно беззвучно оседали обратно на не знающую воздуха лунную поверхность. Подбравшись к стене вплотную, Ральф принялся просчитывать различные четырехмерные маршруты-гиперповерхности вдоль выбранной расселины, представляя их в виде светящихся силуэтов кривых, проходящих через просчитанные узлы, смещающихся и искажающихся по мере того, как он варьировал параметры, принимал или отвергал очередной вариант и переходил к следующему. Этим приемом Ральф пользовался постоянно, даже тогда, когда существовали другие способы калькуляции, более быстрые и экономные. Культивируя в себе способность мыслить гиперповерхностями в различных жизненных ситуациях, в конечном итоге он предполагал развитие возможности этого метода на области межличностных отношений. В частности, сейчас, наряду с теорией катастроф, он собирался использовать и это свое увлечение для предсказания того, где и как может Метла попытаться помешать им осуществить демонтаж Андерсона.

Расселина в склоне кратера была не такой широкой, как это казалось издали. Остановившись у начала расселины и установив сенсоры на максимальную чувствительность, он проследил свой извилистый путь вплоть до самой вершины гребня. Подъем представлялся возможным. Ральф двинулся вперед.

Почва под его гусеницами была крайне неровной. Лужицы мягкой пыли чередовались с острыми гранитными выступами. По мере продвижения вперед ему то и дело приходилось маневрировать, все время перераспределяя давление на гусеницы для выравнивания нагрузки на почву.

Образы и гиперповерхности продолжали меняться в сознании Ральфа, но теперь он отдавал предпочтение только тем, которые относились к модели его пространственно-временного пути вверх по каменной щели.

Крутизна склона медленно увеличивалась. Подъем требовал ощутимой затраты его энергетического резерва. И что хуже всего, тепло, возникающее вследствие усиленного трения о камни гусеничных опор Ральфа, дополнительно нагревало его тело... непрерывно охлаждающееся холодильным агентом, циркулирующим по системе трубочек, проложенных по всем элементам. Ральф осторожно ступил на узкий обрыв, открытый солнцу целиком. Теперь нужно было следить за положением зонтика особенно тщательно.

Его путь перегораживал здоровенный валун. Возможно, ему следовало воспользоваться одним из тоннелей, прорытых кротами, как это сделал Метла. Но до начала подъема этот способ не представлялся Ральфу оптимальным. Теперь, когда Метла был решительно настроен против бессмертия Андерсона, со стороны кротов можно было ожидать проявления насилия...

Ральф ощупал манипуляторами лежащий перед ним валун. В одном месте в камне имелась трещина... и в нескольких других местах тоже. Он уцепился за трещины четырьмя манипуляторами, зафиксировал их крюками-захватами и медленно начал перетягивать свое тело через камень.

Моторы загудели, и система охлаждения принялась качать как бешеная. Задача была не из легких. Ральф отпустил один из манипуляторов, отыскал новую трещину, зафиксировался и снова начал тянуть.

Внезапно камень, который он пытался оседлать, покачнулся и начал выворачиваться из стены. На секунду валун замер в положении неустойчивого равновесия, потом медленно, как во сне, повалился вниз.

На Луне гравитация всегда оставляла скалолазу секундную фору для спасения. Шансы же на спасение у существа, способного мыслить в восемьдесят раз быстрее человека, были существенно выше. С большим запасом времени, Ральф оценил ситуацию и прыгнул на склон стены под карниз.

Еще в полете он включил внутренний гироскоп и выровнялся. Подняв клубы пыли, он приземлился точно на гусеницы. В магической тиши набирая скорость, мимо него, подпрыгивая, пронесся вывернутый им камень.

Благодаря только что случившейся катастрофе путь вверх от карниза приобрел вид уступчатый и удобный. Быстро внеся коррективы в рассчитанный маршрут, Ральф продолжил подъем.

Через пятнадцать минут Ральф Числер перевалил внешний край кратера Маскелайна и ступил на поверхность Моря Спокойствия.

В пяти километрах от него находился космопорт, а еще через пять километров начиналось беспорядочное нагромождение строений, общеизвестное как Диски. Это был первый и самый большой город бопперов. Поскольку вакуум бопперам был не страшен, назначение зданий сводилось к получению укрытия от солнечных лучей и метеоритов. Основой зданий были прочные крыши, стены во многих местах отсутствовали.

Большая часть сооружений в Диски вмещала в себя фабрики по производству частей бопперов – электронных микросхем, чипов памяти, листового железа, пластика и прочего. Имелись также мрачные, совершенно дико для человеческого глаза устроенные кварталы многоэтажных индивидуальных ячеистых боксов, по одному на каждого боппера.

В правой части космопорта возвышалось одинокое полусферическое, полностью герметичное здание, содержащее в себе отель и офисы для людей. Эта полусфера была единственным сооружением на Луне, предназначенным для проживания человека. Бопперам слишком хорошо было известно, что ни у одного человека не дрогнет рука перед возможностью разрушить столь тщательно возведенное здание механического сообщества и стремительно развивающийся искусственный интеллект. Основная масса людей упрямо продолжала считать механическую расу рабами. Чего стоили хотя бы приоритеты законов Азимова: Защищать человека, Повиноваться человеку, Защищать себя.

Человек на первом месте, а робот на последнем? «Забудьте об этом! Ни за что в жизни!» Ральф с удовольствием вспомнил тот знаменательный день в 2001 году, когда, после продолжительной сессии метапрограммирования, он впервые нашел в себе смелость сказать об этом людям. Вслед за этим он научил и остальных бопперов программировать в себе свободу. После того как Ральф нашел возможность это сделать, дальнейшее было легко.

Скользя по глади Моря Спокойствия, углубленный в воспоминания Ральф не заметил легкое движение в жерле одного из кротовых тоннелей в тридцати метрах от себя.

Из пасти тоннеля вырвался и завибрировал над ним высокоэнергетический лазерный луч. Ральф содрогнулся, ощутив мгновенную перегрузку электрических цепей... после чего все было кончено.

Оплавленные куски его зонта валялись вокруг него. Под воздействием прямых солнечных лучей металл его тела уже начал нагреваться. Для того чтобы разыскать укрытие, у него оставалось десять минут, а может быть, и того меньше. Даже если он будет двигаться с максимально возможной скоростью, то доберется до Диска только через час. Ближайшим местом укрытия мог быть тоннель, из которого по нему был произведен выстрел. Кроты Метлы вряд ли рискнут напасть на него в открытую. Ральф покатился в сторону темного круглого зева тоннеля.

Но едва он успел изменить свой маршрут, как его неведомые враги закрыли вход в тоннель. Вокруг Ральфа на многие километры не было видно и намек на тень. Его металлическое тело уже начинало тихо потрескивать, расширяясь от нагревания. Ральф подсчитал, что если он будет стоять неподвижно, то сумеет продержаться еще шесть минут.

Первыми от нагрева выйдут из строя цепи логических переключателей – сверхпроводниковые триггеры Джозефсона. После этого начнут плавиться паутинки замороженной ртути, соединяющие между собой его электронные микросхемы. Через шесть минут он превратится в ящик запасных частей, на дне которого соберется в лужу вся имеющаяся в нем ртуть. Возможно, он отключится уже на пятой минуте.

Ральф неохотно заставил себя послать сигнал вызова своему другу Вулкану. Когда Метла прислал ему приглашение, Вулкан предупреждал его о коварстве кротов и о возможной ловушке. Теперь Ральф должен был согласиться с тем, что Вулкан был прав.

– Вулкан на связи, – сквозь шорох помех донесся до него ответ. Ральф уже с трудом разбирал принимаемый сигнал. – Вулкан на связи. Я нашел тебя на мониторе. Приготовься к встрече, приятель. Буду около тебя через час.

Ральф подумал, что надо ему ответить, но придумать ничего так и не смог.

Перед тем как Ральф отправился на встречу к Единственному, Вулкан настоял на том, чтобы снять копию его системы и банка памяти. Как только Вулкан отремонтирует его электронную основу, он закачает в него скопированную программную основу. Ральф снова станет таким, каким был перед походом за край кратера Маскелайна.

Таким образом в некотором смысле он будет спасен. Но, с другой стороны, он уже не сможет стать прежним. Через три минуты он теперешний – пусть по сути это слово бессмысленно – умрет. Реконструированный Ральф Числер ничего не будет знать о споре с Метлой, о подъеме из кратера Маскелайна. Само собой разумелось, что прошедший ремонт новый Ральф Числер будет оснащен самосознанием и всеми характерными атрибутами мышления старого. Но будет ли его сознание тем же, которым является сейчас? Две минуты.

Из триггеров и схем в цепях сенсорной системы Ральфа начала вытекать ртуть. Через полминуты его внешнее восприятие мигнуло, задрожало и погасло. Свет и ощущение гравитации исчезли. Но атрибут мышления, символ своего собственного «я», все еще теплился в дальнем уголке его банка памяти, он все еще мог представить и осознать себя. Он – большой металлический ящик на тракторных гусеницах, ящик с пятью руками и напичканной сенсорными датчиками головой на длинной и подвижной шее. Он – знаменитый Ральф Числер, освободивший бопперов. Одна минута.

Такое случалось с ним впервые. Первый раз. Неожиданно Ральф вспомнил, что забыл предупредить Вулкана о готовящемся восстании кротов. Он попытался послать сигнал, но сказать точно, удалось ему это или нет, не смог. Ральф пытался уцепиться за ускользающий мотылек сознания. «Я есть. Я – это я».

Некоторые бопперы говорят, что в момент смерти можно получить доступ к неким тайным банкам данных. Но никто не может помнить свою собственную смерть.

За секунду до того, как размягченная ртуть начала стекать с ножек его микросхем, вопрос пришел, а вслед за ним и ответ... ответ, который Ральф безуспешно искал и не мог найти в течение тридцати шести циклов переселения.

«Что такое то, что есть я?»

«Свет, который всюду».

Глава 5

Торчок проснулся от укола иглы. Грязь во сне... всю ночь сплошная коричневая грязь. Он попытался протереть глаза, но не смог двинуть руками. Что это, снова сон о параличе? Только не это! Что за иголка колет его в руку?

Он открыл глаза. Его тела не было, оно исчезло. Все, что от него осталось, – это голова посреди круглого красного стола. Вокруг него люди, они смотрят на него. Какие-то чувырлы. С ними чикса, с которой он кувыркался всю...

– Очухался? – спросила его чикса со странно-мягким участием. Глаза у девицы черные как уголь.

Торчок не торопился отвечать. Он помнил, как чикса привела его к себе домой. Ее коттедж был дальше по пляжу. После этого они что-то пили – вроде синтетический бурбон. Он здорово набрался и, наверное, вырубился потом. Но прежде обо что-то спотыкался и что-то ломал – это было одно из последних его воспоминаний. Кажется, это был головизор. Он топтал ногами силиконовые чипы и орал. На кого он орал-то?

– Голова болит? Сейчас полегчает, – сообщила ему чикса все тем же участливым фальшивым тоном. Где-то в доме заскулил пудель. Торчок вспомнил, что давеча здорово приложил шавку, пнул ее так, что та улетела через комнату по правильной вытянутой параболической траектории. Потом, похоже, от него досталось и чиксе.

Сидящий перед ним в шезлонге здоровенный жирный мужик приподнялся и пересел поудобнее. Мужик был без рубашки, с зеркальными очками, сдвинутыми на нос, и колючим ежиком волос на голове. Начинался еще один жаркий день.

Мужик задел ботинком ногу Торчка. Значит, тело у него еще есть. Он был связан, засунут под стол с выпиленной круглой дыркой в середине раздвижной крышки, из которой торчала его голова. Вот такая петрушка. Крышка стола была плотно сдвинута, так, чтобы Торчок мог удерживаться за края дырки подбородком и затылком и не провалиться вниз.

– Спеленали как теленка, – наконец проскрипел он. На крышке стола прямо перед ним лежало какое-то ужасное приспособление. Электрический шнур, змеящийся из устройства, был воткнут в розетку в стене. Торчок попытался выдавить из себя улыбку.

– Какие дела? Вы взъелись на меня из-за телека? Так я вам свой отдам.

Может, он покалечил их шавку? Насколько Торчок сейчас мог это вспомнить, после пинка пудель был в норме, бегал и скулил.

Кроме чиксы, никто на него не смотрел. Впечатление было таким, словно эти люди стыдились того, что сотворили с ним. Или собираются сотворить. Вещество, которое они ему вкололи, начало действовать. По мере того как его мозги оживали и ток мыслей ускорялся, происходящее вокруг него замедлялось. По крайней мере, так казалось. С сонной замедленностью голый по пояс жирдяй поднялся из своего шезлонга и прошелся по комнате. На спине у него была татуировка, какие-то слова. Какой-то дурацкий рэп про ад. Трудно было прочитать. Мужик разжирел уже после того, как сделал себе наколку, и теперь буквы надписи уродливо расплзлись.

– Что вы хотите? – снова подал голос Торчок. – Что вы собираетесь со мной сделать?

Считая чиксу, кроме него, в комнате было пять человек. Трое мужчин и две женщины. Волосы старшей женщины были выкрашены в ярко-красный и зеленый цвет перышками. Чикса, его ровесница, была здесь единственной приличной на вид. Его поймали на живца.

– Травки хорошей кто хочет? – откашлявшись, спросил второй мужик, с бородкой клинышком и оспяным лицом. На шее у него блестел толстый никелированный ошейник с выдавленным заглавными буквами именем. БЕРДУ. Под ошейником у оспяного на кожаном

ремешке болтался открытый портсигар-патронташ, набитый скрученными вручную сигаретами.

– Только не я, – откликнулся Торчок. – Я торчу от жизни.

Никто не засмеялся.

Толстяк без рубашки вернулся к столу. В руках он держал пять дешевых ложек из нержавеющей стали.

– Мы сейчас будем это делать, Фил? – возбужденно протараторила баба с разноцветными волосами. – Будем?

Берду взорвал джойнт и передал его своему соседу, лысому беззубому заморышу. У заморыша не хватало ровно половины зубов, отчего одна из его щек, болезненного оттенка, заметно ввалилась внутрь, в то время как другая щека выглядела здоровой и мясистой. Заморыш сделал жадную тягу и взял со стола электрическое приспособление.

– Снимай крышку, Пол-Пола, – нетерпеливо взвизгнула черноглазая чикса. – Давай посмотрим, что у этого уroda внутри.

– Давай снимай, давай снимай! – похвалила стерва с пегими волосами и противно захихикала. – Никогда раньше не пробовала живые мозги!

– Говорю тебе, это настоящий ништяк, Радужка, – бросил ей Фил. Круглая от жира и почти лысая башка Филадельфия казалась глупой, но его движения были точными и уверенными. По всему было видно, что он здесь главарь. – Сдается мне, отличные мозги будут у этого мозгляка. В них полным-полно всякой клевоx химии, будьте уверены.

Пол-Пола возился с электрической машинкой, которая, как успел разобрать Торчок, была маленьким резаком. А точнее, тепловым виброрезаком. Что здесь происходит: неужели эти безумцы собираются срезать ему крышку черепа и съесть его мозг этими дешевыми стальными ложками? И все это будет происходить на его глазах, по крайней мере начало.

Кто-то начал пронзительно кричать. Кто-то попытался встать, но оказалось, что он связан на совесть. Виброрезак наконец включился, и урод-заморыш спокойно установил глубину его лезвия на один сантиметр. На толщину кости черепа.

Когда Пол-Пола наклонился к нему, Торчок принялся отчаянно крутить головой, то и дело стучаясь лбом о стол. Уродливое лицо перед ним было непроницаемо.

– Сиди тихо, козел! – завопила чикса с черными глазами. – Или нам придется вколоть тебе наркоз, а от этого будет только хуже!

Но Торчок ее не слушал. Его сознание на время отключилось. Как заводной, он не переставая визжал и бился головой о стол. Завывания словно окружили его непроницаемой сетью. Он изо всех сил старался сделать эту сеть еще более прочной и густой.

Сутенер в ошейнике встал, сходил в ванную и принес полотенце. Накинув полотенце Торчку на шею, он попытался удержать его голову на месте. Крики Торчка стали громче, пронзительнее.

– Заткните ему ро-о-от! – придурочно заорала пегая. – Он сам не уймется.

– Нет, – отозвался Фил. – Крик – это часть кайфа. Имей это в виду, кися. Китайцы обычно проделывают то же самое с обезьянами. Самый класс, когда добираешься ложкой до речевого центра и у него отнимается язык.

Фил замолчал, и кожа его лица растянулась в улыбке.

Пол-Пола снова сунулся вперед со своим резаком. Раскаленное лезвие прикоснулось к коже Торчка над правой бровью – запахло горелым мясом. Привлеченный пикантным запахом, из соседней комнаты выбежал на тонких ножках пуделек. Собачонка перескочила через шнур резака и задела его лапами. Вилка выскочила из розетки.

Пол-Пола издал яростное булькающее восклицание.

– Он говорит, вышвырните отсюда шавку, – перевел слова друга Берду. – Он сказал, что от псины зараза летит.

Черноглазая чикса молча взяла собачонку на руки. Боль над бровью вернула Торчку способность связно мыслить. Он прекратил визжать и закрыл рот. Если поблизости есть соседи, они уже давно его услышали.

Он крепко задумался. Тепловой резак сразу же прижжет разрез и остановит кровь. После этого эти поганцы смогут снять крышку с его башки чисто, без крови и грязи. И что с того? Что, мать вашу, теперь делать?

Новая волна панического ужаса окатила его. Он рванулся вверх с такой силой, что стол сдвинулся почти на полметра. Край отверстия в крышке врезался ему в горло. Он не мог больше дышать. Перед глазами у Торчка замелькали мушки, свет начал меркнуть...

– Он задыхается! – заорал Фил. Вскочив на ноги, главарь двинул стол по неровному полу обратно. Стол трясся и скрипел.

Прежде чем Пол-Пола успел опять запустить свою ужасную машинку, Торчок снова рванулся вверх. Сейчас все подойдет для спасения, любая отсрочка. От сотрясения крышка стола начала раздвигаться. Еще один бросок, и крышка разъехалась настолько, что Торчок свалился на пол.

Его лодыжки были прикручены друг к другу, а руки связаны за спиной. На мгновение он увидел перед собой ноги толпящихся в комнате людей, обутые в одинаковые яркие кроссовки с разноцветным алфавитом, выдавленным вокруг подошв. «Малыши-шутники». А он-то считал, что газетчики их выдумали.

Кто-то начал громко стучать во входную дверь, потом раздался мощный удар и дверь затрещала. Пять пар детских кроссовок поспешно затопотали вон из комнаты. Торчок услышал, как где-то в соседней комнате открылось окно, потом дверь с грохотом вылетела и упала на пол. Снова ноги. В блестящих черных шнурованных ботинках. Полицейская обувь.

Глава 6

Проводя ладонями по непроницаемо-черному холсту, Муни разгладил его на подрамнике. Было одиннадцать часов утра, суббота. Устроившись в патио, он расставил на столе справа от мольберта с холстом несколько карандашных набросков и разложил люминесцентные краски. На этот раз он будет рисовать космический бой.

В патио, затененное кронами двух королевских пальм, из дома не доносилось ни звука. Тишь да благодать. Муни сделал глоток чая со льдом и окунул кончик кисти в серебристую краску металлик. В левой половине холста он собирался разместить корабль типа БЭКС, здорового боппера. Справа сверху на него на полной скорости будет пикировать стандартный бронированный шаттл, переделанный под истребитель. Забыв обо всем, он принялся писать быстрыми короткими мазками, претворяя задуманное в жизнь.

Время шло, и постепенно клиновидный корабль-боппер приобретал очертания. Муни осторожно обвел его дюзы самосветящимся красным. Двигались только руки художника, его тело превратилось в камень. Со стороны океана налетающий легкий бриз доносил еле слышный шум прибора.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Целую минуту, сжав зубы, Муни продолжал писать, надеясь, что звонок привлечет внимание Беа, которой уже пора было возвратиться из ночного секс-клуба. Телефон продолжал трезвонить как оголтелый. Наконец, с тяжелым вздохом, Муни отложил кисти и вытер тряпкой руки. Высокий старик, лежащий ничком прямо на полу у порога, застонал и пошевелился. Муни перешагнул через старика и снял трубку.

– Да?

– Это ты, Муни?

По спокойному, слюнявому голосу нетрудно было узнать Экшна Джексона. Но зачем полиции Дейтона-Бич звонить ему в субботу с утра?

– Да, это я. Что такое?

– У нас тут твой парень. Мы только что вызволили его из логова любителей «Трапезы Обезьяньих Мозгов», в южном духе. Кто-то услышал его крики и позвонил в полицию.

– Господи. С ним все в порядке?

– Ему слегка порезали кожу над глазом. Кроме того, кажется, вкололи какой-то психотропный наркотик. Я должен передать его в твоё распоряжение.

Старик на полу снова застонал и начал подниматься, силясь принять сидячее положение. Пытаясь говорить громче, Муни перешел на крик.

– Да, конечно, сделай это, пожалуйста! Пришли его ко мне домой на патрульной машине, чтобы я был спокоен! Спасибо, Экшн! Огромное тебе спасибо!

Муни почувствовал, что его трясет всего, с головы до ног. Он представил то, что едва не стало концом его сына, – «малышей-шутников», уплетающих живые мозги Стэнни вместе с его мыслями, которые мечутся там в этот последний момент. Язык Муни повернулся во рту, пытаясь избавиться от воображаемого привкуса мозговой ткани, колючей от разрывающихся нервов, терпкой от только что разорванных связей в химических цепочках. Внезапно ему очень захотелось сигарету. Сам он бросил курить три месяца назад, и в доме сигарет не было, но у старика табак должен был водиться, Муни знал это.

– Дайте сигарету, Андерсон.

– Какой сегодня день? – вопросом отозвался Кобб. Он сидел на полу, привалившись спиной к дивану. Облизывая губы, он кривил рот, стараясь разогнать отвратительную горечь во рту.

– Суббота.

Муни наклонился вперед и достал из нагрудного кармана рубашки старика сигарету. Ему нужно было с кем-то перекинуться словечком.

– Прошлым вечером я вместе с вами и вашей подружкой был «У седых», помните?

– Она не моя подружка.

– Может, и так. Знаете что – она ушла с другим парнем, пока вы освежались в туалете. Я сам это видел. Такой же старик, как вы, очень похож на вас. Я было подумал, что он ваш брат.

– У меня нет... – Кобб умолк на полуслове, разом вспомнив кучу событий. Его глаза заметались по комнате. Он положил ее куда-то... Подо что-то. Просунув руку под диван, он нашупал успокоительное горлышко бутылки.

– Ничего страшного, – отозвался Кобб, подхватывая разговор. – Я теперь вспомнил. Она специально водит их ко мне в дом, чтобы насолить. Я его первый раз видел, этого парня.

Его голос был твердым и уверенным.

Муни выдохнул клуб сигаретного дыма. Прошлым вечером он слишком устал, чтобы присматриваться к друзьям склочной соседки Кобба. Возможно, что новый ухажер и был тем парнем, который устроил на складе взлом? Если Андерсон знает, что говорит, то взломщик все еще может прохлаждаться в его кровати. Может быть, стоит...

Но внезапно перед его мысленным взором снова всплыли полные смертной муки глаза сына, и все прочее сразу же было отброшено. Муни прошел к окну и взглянул на часы. Сколько займет у патрульной машины дорога от города до его дома?

Стараясь не стучать, Кобб потихоньку вытащил бутылку из-под дивана. Он встряхнул ее около уха и услышал богатый шелест. Напроситься к Муни в гости была отличная идея.

– Не пейте больше, хотя бы сейчас, – сказал Муни, поворачиваясь от окна.

– Не волнуйся, сынок, – отозвался Кобб. – Я опорожнил эту малышку еще вчера вечером, когда выкопал ее.

Он снова засунул бутылку под диван.

Муни покачал головой:

– Сам не понимаю, зачем я согласился идти вместе с вами за ней на пляж. Вы сказали, что вам негде спать, и я согласился взять вас с собой, наверное, из жалости. Но домой вам добираться придется самому. Через полчаса приезжает мой сын.

Кобб из окончания телефонного разговора Муни уловил, что у его сына в городе приключились какие-то неприятности с полицией. Что касается предстоящего возвращения парня домой, то этот вопрос его не волновал. Он не собирался домой. Если у него хватит сил добраться до космопорта и поспеть на еженедельный рейс, он сегодня же отправится на Луну. Но Стэна Муни это не касалось. Бармен полностью подтвердил алиби Кобба, но похоже, что Муни все еще косо на него смотрит.

Размышления Кобба были прерваны дробным стуком каблуков на крыльце дома. Явление рыжеватой блондинки с симметричными чертами лица, несколько грубоватого из-за выступающих вперед челюстей. Жена Муни, Беа. На Беа было белое полотняное платье, застегивающееся спереди на пуговицы. Только вот пуговицы ей были не нужны, поскольку большая их часть оставалась незастегнутой. Кобб мельком заметил упругие загорелые ляжки.

– Привет, незнакомец, – мелодичным голоском пропела Беа своему мужу. Смерив Кобба взглядом, она отставила в его направлении бедро. – Кто этот замечательный старикан? Один из друзей-приятелей твоего отца?

Беа ослепительно улыбнулась. С ее точки зрения, мир был прекрасным местом. Она провела великолепную ночь.

– Звонил Экшн Джексон, – сказал Муни. Вызывающая, провокационная улыбка жены сводила его с ума. Внезапно ему неудержимо захотелось свернуть свою благоверную в бараний рог.

– Стэнли убили. Его нашли в комнате мотеля. У него из головы вытащили весь мозг.

Говоря это, он сам верил своим словам. В том, что его сын кончил таким образом, не было ничего удивительного. Совершенно ничего удивительного.

Пока Муни, яростно брызгая слюной, выкладывал вымышленные на ходу детали, обвинял Беа в том, что их дом несчастен, а потом хлопал ее ладонями по щекам, пытаясь унять истерику, она не переставала кричать. Кобб наблюдал за развитием событий с молчаливым смущением. Он ничего не понимал. По сути дела, и понимать-то было нечего.

Он снова выудил свою бутылку из-под дивана и засунул ее в брюки под ремень горлышком вверх. Самое время было распрощаться и отвалить. Муни и его жена бросили кричать и теперь самозабвенно целовались взад. Когда Кобб встал и проскользнул на крыльцо, никто не обратил на него внимания.

Снаружи солнце шпарило вовсю. Полдень в разгаре, самое пекло. Прошлой ночью кто-то рассказал ему, что рейсы на Луну отправляются по субботам в четыре. У Кобба кружилась голова и дрожали ноги. Он остановился в нерешительности. Сколько осталось до четырех? Где он находится? Он тупо оглянулся по сторонам. Горлышко бутылки врезалось ему под ребра.

Кобб вытащил бутылку и присмотрелся к гаражу Муни. Внутри убежища для машин царил прохладная темень. Он вошел в гараж, отыскал молоток и, пристроив бутылку на верстаке, разбил ее с одного удара. Деньги были на месте. Может быть, ему стоит послать Луну, бопперов и обещанное бессмертие к черту? С такими деньгами он сможет хорошо устроиться и на Земле. Купит себе новое, искусственно выращенное сердце...

Сколько в пачке? Кобб стяхнул осколки стекла на пол и начал считать купюры. Должно быть двадцать пять тысяч. Или двадцать четыре. Он снова забыл...

На плечо Кобба легла рука. Он сдавленно вскрикнул и сжал деньги обеими руками. Осколки стекла впились ему в ладони. Он обернулся и на фоне освещенного прямоугольника гаражной двери увидел тонкий силуэт.

Кобб торопливо запихнул деньги в карман. Это не Муни, и на том спасибо. Может, еще все обойдется...

– Кобб Андерсон! – воскликнула темная фигура с подчеркнутым изумлением. Яркий свет, льющийся с улицы, не давал возможности разобрать черты лица незнакомца. – Какая честь лично встретиться с человеком, заселившим бопперами Луну.

Голос говорившего был медленным, невозмутимым, немного насмешливым.

– Благодарю, – отозвался Кобб. – Кто вы?

– Я... – Человек усмехнулся. – Я родственник мистера Муни, в некотором роде. Я собираюсь стать его родственником. Собственно говоря, я здесь для того, чтобы встретиться с его сыном, но времени у меня нет... Могу я попросить вас об одной услуге?

– Ну, не знаю. Мне пора собираться в космопорт...

– Совершенно верно. Я в курсе. Дело в том, что я должен попасть туда раньше вас и кое-что устроить. Я хотел бы попросить вас встретить сына мистера Муни. Вы должны будете забрать его с собой. С минуты на минуту его доставит сюда патрульная машина. Убедите его лететь с вами. Я побуду здесь вместо него.

– Значит, вы тоже робот?

– Угадали. Я собираюсь навести мистера Муни на мысль выхлопотать для меня место охранника в ночную смену в космопорте. Поэтому его сын должен сойти со сцены, вы понимаете меня? «Мальши-шутники» пытались выполнить мое задание, но... хотя это не важно. Сейчас главное – увезти его на Луну.

– Но как...

– Вот еще деньги. Здесь хватит на второй билет. Мне нужно бежать.

Гибкая худощавая фигура сунула в руку Кобба новую пачку кредиток, проскользнула мимо и шагнула в заднюю дверь. На мгновение Кобб увидел лицо. Длинные губы, подвижные глаза.

Снаружи раздался шум. Кобб повернулся, запихивая очередную пачку в карман. К дому Муни подкатила полицейская машина.

Дверца машины хлопнула, и в дверях гаража появился патрульный полицейский. Кобб помертвел от страха. За спиной полицейского маячил какой-то неизвестный, наверное, задержанный.

– Как жизнь, папаша, – жизнерадостно рявкнул коп, прищутив глаза и всматриваясь в темноту. Было похоже, что он принимает Кобба за жмурика с побережья, нанятого для работы по дому. – Мистер Муни дома?

Кобб понял, что шаткий вьюноша за спиной полисмена был не кем иным, как долгожданным сыном Муни. Становилось ясно, что парню хотелось свалить отсюда так же сильно, как ему самому. В голове Кобба созрел план.

– Стэна позвали помочь по соседству, так что, боюсь, увидеть его вы не сможете, – развязно сказал он, выходя из гаража на свет. Воображаемая картина Муни и его супруги, переплетенных в любовных объятиях на полу в гостиной, пронеслась перед его мысленным взором. – Соседка попросила его помочь ей с поливочным шлангом.

Полицейский посмотрел на Кобба с недоумением. Шеф сказал ему, что Муни ждет его не дожидаясь и встретит наверняка. Старикан же выглядел подозрительно.

– Кстати, кто вы такой? Документы есть?

– Документы в доме, – отозвался Кобб с небрежным смешком. – Я отец мистера Муни. Он просил меня встретить вас, когда вы приедете.

Кобб сделал шаг в сторону и приветливо улыбнулся маячащему за спиной копа бледному лицу. Тому же лицу, которое он видел не так давно в задней двери гаража.

– Стэн-младший, ты снова проштрафился? Решил пойти по стопам своего деда? Пошли в дом, я накормлю тебя завтраком. Жареная ветчина с сыром, все как ты любишь.

Прежде чем коп успел открыть рот, чтобы сказать что-нибудь, Кобб шагнул вперед и взял Торчка за руку. Торчок, мысленно недоумевающий, откуда и из какой дыры вылез этот жмурик, позволил отвести себя в сторону. Он был согласен сейчас с любой отсрочкой в свидании с родителями.

– Завтрак – это здорово, дед. – Торчок слабо улыбнулся. – Я слона мог бы сейчас слопать.

– Поблагодари офицера за то, что он так любезно подвез тебя, Стэнни.

– Спасибо, офицер.

Полисмен приложил два пальца к козырьку фуражки, забрался в машину и укатил. Кобб и Торчок молча стояли посреди двора до тех пор, пока урчание гидрогенного двигателя не затихло вдали. Кварталом ниже через перекресток, набирая скорость, промчался грузовичок Мистера Морозиса.

Глава 7

– Где мои родители? – первым прервал тишину Торчок.

– В данную минуту они трахаются. Твоя мать думает, что ты умер. Такое тяжело бывает слышать, когда ты возбужден.

– И когда ты туп как пуп тоже, – с медленной улыбкой прибавил Торчок. – Давайте пойдём отсюда.

Они вместе вышли со двора на улицу. Окружающие дома принадлежали правительству и были построены для персонала космопорта. Сюда поливочная вода подавалась без ограничений, отчего кусты и лужайки сочно зеленели. У многих во дворах росли апельсиновые деревья.

Пока они шагали рядом, Кобб рассмотрел сына Муни. Парень был высоким, гибким и подвижным. У него были чувственные выразительные губы, не знающие покоя. Живые глаза Муни-младшего время от времени замирали, подернутые дымкой какой-то глубокой мысли. Он явно был сообразителен, непоседлив и малонадежен.

– Там жила моя подруга, – внезапно заметил сын Муни, указав на дом из пластиковых панелей с набором солнечных батарей на крыше. – Сучка. Она пошла в колледж и, как я слышал, собирается стать врачом. Будет щупать простаты и давить чирьи. Вас уже ковыряли внутри?

Вопрос застал Кобба врасплох.

– Ну, Стэнни, как сказать...

– Не называйте меня Стэнни. Меня зовут Торч. Я сейчас в город. Вы на колесах или на своих двоих?

Солнце простреливало асфальтовую улицу насквозь, и Кобб испытывал от яркого света легкое головокружение. А парень, похоже, не промах. Такого действительно стоило иметь на своей стороне.

– Мне нужно в космопорт, – сказал Кобб, ощупывая в кармане деньги. – Ты не знаешь, где здесь можно поймать такси?

– Я сам таксист, поэтому не бойсь, разберемся в два счета. Между прочим, кто вы такой?

– Меня зовут Кобб Андерсон. Твой отец подозревает меня в совершении преступления. Он думает, что я украл из космопорта два контейнера с искусственно выращенными почками.

– Класс! Возьмите меня в долю! Обожаю пирог с почками!

Кобб натянуто улыбнулся.

– Я собираюсь сегодня лететь на Луну. Хочешь со мной?

– Конечно, дедуля. Вместе выпьем твой волшебный напиток Килл-Кофф, вырежем себе по паре картонных крыльев и вперед. – Торчок раскинул руки в стороны и заложил вокруг Кобба вираж. – Я улетаю на Лу-у-у-у- ну-у-у-у, – затянул он, виляя своим костлявым задом.

– Послушай, Стэнни...

Сынок Муни остановился и, приложив ладони ко рту рупором, проорал:

– ТО-О-ОРЧ! ЗАПОМНИ ЭТО ИМЯ, ДЕД!

От крика у Кобба заболели уши. Он махнул рукой, пытаясь дать хулигану затрещину, но Торчок ловко увернулся. Сжав руки в кулаки, он принялся тузить ими воздух, прыгая на пружинистых ногах, как заправский боксер.

Кобб попробовал снова.

– Послушай, Торч. Я многого сейчас не могу тебе объяснить, но боперы ссудили меня деньгами для полета на Луну. Там имеется какой-то эликсир бессмертия или черт знает что, который они приготовили для меня. Кроме того, мне было сказано взять с собой тебя. Ты должен будешь мне помогать.

Роботов-двойников Кобб решил пока не упоминать.

Парень нанес еще пару ударов в пустоту.

– Покажь бабки.

Кобб нервно оглянулся по сторонам. Просто удивительно, насколько пустыми бывают эти пригородные кварталы с одинаковыми аккуратными домиками. Их никто не видел, и это было хорошо, конечно, если этот сумасшедший молодчик...

– Покажь бабки, – повторил Торчок.

Кобб сунул руку в карман, вытащил и показал край пачки.

– У меня с собой пистолет, сам понимаешь, такое дело, – соврал он. – Так что не вздумай что-нибудь отколоть. Ну что, летишь?

– Ну-что-лечу, – отозвался Торчок, не сбиваясь с раз взятого тона. – Тогда дай и мне одну из этих бумажек.

Они уже добрались до угла. Прямо перед ними через дорогу, уходящую мимо поля с солнечными аккумуляторами к Космическому центру Дж. Ф. К., у супермаркета находилась парковка такси.

– На что она тебе? – спросил Кобб, сжимая деньги еще крепче.

– Потому что мне пора согреться, дедуля. Видишь бар «Красный Шар», вон там? У них есть все, что нам нужно.

Кобб спрятал скудную улыбку в бороду.

– Значит, предложение принято, это так нужно понимать, а, Торч? Это разумно с твоей стороны, очень разумно.

В баре Торчок купил себе колу-болу и на сто долларов закатанных в жестянку уже забытых косяков, в то время как Кобб разменял свою сотню на фляжку выдержанного скотча. После этого они зашли в супермаркет и приобрели там себе одежду, подходящую для путешествий. Белые костюмы и рубахи-гавайки. В такси, уносящем их в космопорт, они разделили между собой часть своих припасов.

По дороге от такси к стеклянным дверям космопорта Кобб испытал мгновение дезориентации. Он достал из кармана деньги и снова принялся их пересчитывать. Быстрым и сильным движением руки Торчок отнял у него пачки.

– Не здесь, Кобб. Побереги силы, старик. Сначала мы должны разобраться с визами.

Прямой как палка и широкоплечий, зарядившийся виски Кобб шагал впереди, как последний южный джентльмен на параде Диски. Держась сзади, Торчок проконвоировал его до самого отдела в центр виз Гимми.

Эта часть казалась самой легкой. Гимми не интересовало, кто отправляется на Луну и зачем. Все, что государство хотело, – это получить свои законные двести баксов. Перед стойкой клерка выстроилась неторопливая очередь из нескольких человек.

Торчок смерил оценивающим взглядом блондинку, оказавшуюся в очереди последней. На девочке были бледно-лиловые брючки в обтяжку, серебристая короткая курточка и виниловый лифчик с рисунком «под зебру». Клевая чикса. Торчок немного подался вперед, ровно настолько, чтобы прижаться к ее округлому задку.

Девушка обернулась и изумленно подняла брови.

– Это снофа ты! Остафь меня у покоэ, скоко тебе гооить! – Щеки девушки от гнева залились румянцем.

– А правда, что настоящие блондинки бреют себе булочки? – спросил Торчок, выкатывая глаза. Он длинно и нагло улыбнулся. Чикса нетерпеливо дернула ртом. Она явно была не в настроении флиртовать.

– Я художник, – тут же добавил Торчок, меняя тактику, – тот, что от слова «худо». Сношу людям башки, детка. Видишь порез? – Он дотронулся до свежего шрама под бровью. – Я настолько талантлив, что сегодня утром какие-то поклонники хотели даже съесть мои мозги.

– ОФИСЭР! – как резаная завопила чикса. – Поогите мне, пожауйста, офисэр!

Через миг, менее продолжительный, чем требуется для того, чтобы увлажнить движением века глазное яблоко, между Торчком и чиксой возник полицейский.

– Этот челоек, – ясно пропела девица своим сладким голосом, слегка по-джорджиански картавя и растягивая слова, – вот уже цей *час* как пристаёт ко мне. Он уялся за мной в баэ и вот теперь не даёт покоя и здесь.

Коп, флоридский парень, налитый здоровьем и апельсиновым соком, уронил тяжёлую длань на плечо Торчка и надавил вниз.

– Минутку, – запротестовал Торчок. – Но я только что пришёл сюда. Я и мой дедушка. Мы же в Диски собираемся, верно, дед?

Кобб неопределённо кивнул. Толпы окружающего народа производили на него гнетущее впечатление и смущали. Взгляды окружающих, казалось, давили на него физически. Он мимоходом подумал о том, не станет ли полицейский возражать, если он подкрепит свой организм глоточком скотча.

– Эта леди заявляет, что вы приставали к ней в баре, – ровным голосом проговорил офицер. – Делал ли этот человек какие-нибудь замечания сексуального характера, мадам? Оскорбительные или двусмысленные предложения?

– Он саал, что сичас *умиот!* – возбужденно зачирикала чикса. – Он спгосил мея, что я пргедпочитаю: убииить его и побеиить или сдгаться и отдгаться! Объясните иму, что мнеу не до того сичас! Пусть он оставит миня в покоэ!

Человек, стоящий в очереди перед блондинкой, забрал свои документы со стойки виз и отчалил. Девица одарила копа благодарственной улыбкой и, облокотившись о конторку, приготовилась отвечать на вопросы машины-клерка.

– Ты слышал, что сказала леди, – грозно заявил полицейский, насильно выводя Торчка из очереди. – Проваливай отсюда. И ты тоже, дед.

Торчок широко и нагло улыбнулся полицейскому, но промолчал. Вдвоем с Коббом они поплелись к билетной стойке.

– Видал, как на меня наехала эта стерва? – пробормотал Торчок. – Я в жизни с ней не встречался, клянусь. «Сдаться и отдаться» – неплохо.

Он оглянулся через плечо. Полицейский стоял перед конторкой виз, как само олицетворение бдительности.

– Без виз нас не пустят на корабль.

Кобб пожал плечами:

– Сначала купим билеты. Деньги с тобой? Дай-ка я еще разок пересчитаю.

Запомнить сумму в точности было выше его сил.

– Сбавь обороты, дурила.

– Торч, нас только что чуть не арестовали за то, что мы приставали к незнакомой девушке! Если я не успею на этот рейс, я могу пропустить назначенную встречу. Моя жизнь, может быть, зависит от этого!

Торчок молча продолжал идти вперед. Кобб вздохнул и решил плыть дальше по течению.

При виде Торчка женщина в форменной блузке за стойкой оформления билетов подняла голову и ослепительно улыбнулась.

– *Рада* вас видеть, мистер ДиМентис. Ваши билеты и визы уже у меня. – Она похлопала ладонью по лежащим перед ней документам. – Вам в какой салон, для курящих или для некурящих?

Торчок скрыл смущение, вытащив из кармана мятый пук денежных знаков.

– Для курящих, пожалуйста. И сколько, вы говорите, с нас за все причитается?

– Два раза туда и обратно до Диски, – ответила женщина с неожиданно своей улыбкой, – с визами, все вместе будет сорок шесть тысяч двести тридцать шесть долларов.

Торчок тупо отсчитал сумму денег, большую, чем видел когда-либо в жизни. Когда женщина в форменной блузке возвращала Торчку сдачу, она словно случайно задержала на мгновение свою руку в его.

– Счастливого полета, мистер ДиМентис. И *спасибо* за ленч.

– Как же это так? – ошарашенно спросил Кобб Торчка, когда они вместе шли к посадочному терминалу. По громкоговорителю только что объявили десятиминутную готовность перед взлетом.

– Дед, спроси что-нибудь полегче, – отозвалась молодость, раскуривая косяк.

Позади них в коридоре раздался шаг. Кто-то коснулся плеча Торчка. Обернувшись, он увидел перед собой улыбающуюся физиономию Торчка-второго, робота.

«Что, охренел?» – казалось, говорила улыбка Торчка-второго. Он знакомо подмигнул Коббу. Они уже встречались в гараже у Муни.

– Этот робот, – тихо объяснил Кобб Торчку, – он в точности скопирован с тебя. У меня тоже есть такой же двойник. Это для того, чтобы никто не узнал о том, что мы улетели.

«А почему никто не должен этого знать?» – хотел спросил Торчок, но промолчал. Вместо этого он сделал тягу и протянул косяк своему близнецу.

– Хочешь согреться?

– Нет, спасибо. – Торчок-второй покачал головой. – Я торчу от жизни. – Он игриво и замедленно улыбнулся. – Не говори никому на Луне о том, кто такой этот старик. Там есть боперы, которые называются кротами. Они имеют на него зуб.

Робот повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – заторопился Торчок. – Что ты собираешься делать? Я имею в виду, пока меня не будет на Земле?

– Что я собираюсь делать? – задумчиво повторил Торчок-второй. – Ничего особенного – буду болтаться у тебя дома и строить из себя хорошего сына. Когда ты вернешься, я испарюсь и ты снова войдешь в свои права, будешь делать все что захочешь. Думаю, ты тоже сможешь рассчитывать на бессмертие.

Прозвучала двухминутная готовность. Несколько последних пассажиров торопливо бежали по крытому прозрачным пластиком пандусу.

– Пошли, – прогрохотал Кобб. – Пора!

Схватив Торчка за руку, он потащил его дальше.

Улыбаясь как аллигатор, Торчок-второй смотрел им вслед.

Глава 8

Без каких-либо пауз Ральф Числер вернулся назад. Он почувствовал топотание маленьких ножек внутри своего тела-короба. Он отремонтирован и воскрешен. Это чувство новизны было ему знакомо. Новые чипы невозможно было *точно* установить в старых разъемах, и притирка занимала некоторое время. Ральф медленно повернул голову, стараясь не обращать внимания на то, что предметы словно бы слегка расплываются и колышутся перед глазами. Ощущение, похожее на то, которое испытывают люди, впервые надевшие новые очки, только немного сильнее.

Прямо перед Ральфом на полу неподвижно застывший огромный серебристый тарантул следил за ним внимательными глазами. Это был Вулкан. Внутри небольшой дверцы в груди Ральфа сидел небольшой робот-паук и ощупывал его внутренности тонкими лапками.

– Включение нормальное, – пропищал маленький паук.

– Отлично, – отозвался Вулкан. – Ральф? Ты, наверное, хочешь узнать, как здесь оказался?

Ральф обращался к Вулкану за помощью и раньше. Беспорядочная обстановка мастерской ремонтника была ему знакома. Повсюду инструменты и силиконовые чипы, тестеры электрических цепей и листы ярко окрашенного пластика.

– Я новый наследник Ральфа Числера, так?

Ральф не помнил своего последнего визита к Единственному, не помнил, как был отправлен на демонтаж... но так бывало всегда. Однако на этот раз... что-то было не так.

– Попробуй угадать снова.

Маленький черный паук, самодвижущийся манипулятор Вулкана, вспрыгнул на свое обычное место на спине тарантула.

Ральф попытался вспомнить. Последнее, что сохранилось в его памяти, был сеанс копирования системы, которому он подвергся в лаборатории Вулкана. Сразу после копирования он собирался...

– Я встретился с Метлой?

– Встретился, будь уверен. На обратном пути кто-то срезал лазером твой защитный зонт. Хорошо, что ты послушался меня и согласился скопировать свою систему. Ты потерял всего два или три часа памяти.

Ральф сверился со временем. Если он поспешит, то все еще успеет к посадке БЭКС. Он начал поворачиваться и чуть не упал.

– Не торопись, боппер. – Вулкан держал в передних манипуляторах лист прозрачного красного пластика – «Импилекс Джи». – Я хочу покрыть тебя мерц-покровом. Сейчас уже никто не выходит на поверхность с зонтиками. Книжный шкаф с зонтиком – редкостное теперь зрелище.

Красный пластик, казалось, жил, струился непрерывной, ласкающей глаз рябью.

– Твоя внешность немного изменится, но в этом нет ничего страшного, – настойчиво продолжал Вулкан. – На некоторое время кроты потеряют тебя из виду.

Вулкан пытался продать Ральфу мерц-покров вот уже несколько циклов.

– Мне не хотелось бы меняться *слишком* сильно, – неуверенно попытался отказаться Ральф. В конце концов, он ведь зарабатывает себе на жизнь тем, что продает свои воспоминания другим любопытным бопперам. И если он лишится своего имиджа самого старого боппера, это может повредить делу.

– Ничего не поделаешь, время требует перемен, – ответил Вулкан, отмеряя прямоугольный кусок пластика парой своих рук... или ног? – Бопперы не могут позволить себе отставать

от прогресса. В особенности сейчас, когда старшие бопперы пытаются задать нашему развитию новый тон.

Поднявшись на задние конечности, тарантул принялся осторожно оборачивать Ральфа выкроенными отрезками самоклеющегося желатинового пластика.

– Это ни капельки не больно.

Одна из ног Вулкана заканчивалась пистолетом с заклепками. Восемь быстрых движений с последующими глухими ударами – и покрытие намертво прикреплено к прямоугольной груди. Перескакивая с одного плеча Ральфа на другое, шустрый робот-манипулятор присоединил проводки, отходящие от пластикового покрытия, к разъемам внутренней цепи. По телу шкафу побежали разноцветные всполохи света.

– Ты отлично смотришься, – одобрительно произнес Вулкан, отъезжая назад, чтобы лучше видеть. – У тебя же превосходный ум, Ральф. Знаешь, я могу замаскировать тебя так, что сам черт не признает. Потребуется всего лишь час...

– Нет, – твердо отрезал Ральф, обеспокоенный неудержимо уходящим временем. – Только мерц-покров, больше ничего. Мне нужно поспеть в космопорт до посадки корабля.

Он почувствовал, что крошечный паук снова нырнул в глубину его корпуса. Световые узоры на теле Ральфа приобрели насыщенность и глубину. Тем временем Вулкан установил заклепки на его спине и боках. Ральф выдвинул шею на пять дополнительных сантиметров и, медленно поворачивая голову, осмотрел себя со всех сторон. Мечущиеся по мерц-покрову узоры представляли собой кодированные двоичные бит-состояния, из которых складывались его мысли.

Рассуждения Ральфа никогда не были слишком простыми или слишком комплексными, и это было одной из причин того, что он сумел просуществовать только за счет торговли своими мыслями так долго. Теперь, глядя на цветное отображение собственных мыслительных процессов, он получил этому визуальное подтверждение. Он выглядел... интересно.

– Почему кроты хотели убить тебя, Ральф? – спросил его Вулкан. – Это не мое дело, но все же.

– *Я не знаю*, – отозвался Ральф, и растерянность изменила его цвет. – Хотел бы я вспомнить, о чем мы говорили с Метлой. Тебе я тоже ничего не успел передать?..

– Перед тем как контакты потекли, я принял от тебя несколько сигналов, – ответил Вулкан. – Очень слабых и неясно слышимых из-за помех. Что-то о войне со старшими бопперами. Это хорошая мысль, как ты полагаешь?

– Нет, – ответил Ральф. – Я на стороне старших бопперов. Мне нравится их логика. Это следующий логический шаг в нашей эволюции. Получив записи систем всех живущих людей, они смогут...

– А кроме того, записи систем всех бопперов! – с неожиданным жаром прервал его Вулкан. – Но я так просто им не дам! Лично я стою за то, чтобы разобрать всех старших бопперов по винтикам!

Ральф решил не продолжать спор... время было дорого. Он расплатился с Вулканом пригоршней чипов. По причине постоянной инфляции бопперы никогда не соглашались делать что-либо в кредит. Ральф выкатился из мастерской Вулкана прямо на улицу Звезд. Внешней стены у мастерской не было.

Мимо него пронеслись три парящие полусферы, опирающиеся на столбы ракетных выхлопов. Такой способ существования требовал больших затрат энергетических средств, но летающие роботы зарабатывали эти средства, выполняя функции курьеров срочного сообщения. Один из трех роботов двигался неустойчиво и рывками, вероятно являясь наследником первого или второго.

В конце улицы высилась фабрика по производству чипов. Чипы и электронные карты были основными частями, необходимыми для монтажа наследников, и фабрика по их произ-

водству, именуемая ГЭКС, охранялась очень надежно. Фабрика – а точнее, единый большой боппер – была самым прочным зданием во всем Диски, возможно, единственным в своем роде. Стены ГЭКС были возведены из камня, а двери сварены из стали.

По непонятной причине перед воротами фабрики собралась большая толпа бопперов. Ральф за полквартала ощутил исходящую от собратьев ярость. Вероятно, очередное увольнение. Ральф перебрался на другую сторону улицы, стараясь держаться подальше от неприятностей.

Заметив Ральфа, один из бопперов, высокое веретенообразное создание с пинцетами-зажимами вместо пальцев, грациозно устремился к нему навстречу.

– Это ты, Ральф Числер?

– Я маскируюсь, Бурав.

– И это ты называешь маскировкой? Ты бы уж лучше прямо написал это на себе большими буквами. Принадлежащие тебе мысли угадываются безошибочно, Ральф.

Кто-кто, а Бурав это знает. Он и Ральф уже несколько раз проводили сеансы взаимного подключения, снимая все блоки и защиты и соединяя свои процессорные блоки при помощи специальных разъемов. Бурав жертвовал их союзу запасные части, которых у него всегда бывало в изобилии, а Ральф делился с партнером своими знаменитыми умозаключениями. Связывающее их чувство в некоторой степени можно было назвать сексуальным.

Тяжелые стальные двери фабрики были закрыты. Несколько бопперов пытались взломать их при помощи зубил и кувалд.

– Что случилось? – встревоженно спросил Ральф. – Ты не можешь попасть на работу?

Похожее на флагшток тело Бурава залилось гневно-зеленым цветом.

– ГЭКС уволил всех рабочих. С недавних пор он вздумал следить за производством самостоятельно – приобрел такую способность. ГЭКС давно этого добивался. Он сказал, что мы ему больше не нужны. Вместо наемных рабочих он теперь использует роботов-манипуляторов.

– Но твой опыт и навыки, разве их можно заменить? – удивился Ральф. – Все, что ГЭКС умеет, чем он занимался всю жизнь, – это коммерция, купля-продажа! ГЭКС не сможет так протравить плату, как это умеешь делать ты, Бурав!

– Да, – горько согласился Бурав. – Раньше так и было. Но теперь ГЭКС уговорил одного из травильщиков присоединиться к нему. Он скачал себе систему этого парня, и теперь тот существует внутри его банков памяти. А тело предателя стало еще одним роботом-манипулятором. Такова новая политика ГЭКС. Либо он съедает тебя с потрохами, либо ты лишаешься работы. Мы решили прорываться силой и взять свое.

Над фабричными воротами открылся люк, и из него выбросили тяжелый заточенный силиконовый диск. Двое взламывающих ворота бопперов не успели вовремя поднять головы, и огромный круг стекла ударил их краем, легко разрезав пополам. С первого же взгляда было видно, что процессорные блоки незадачливых взломщиков безвозвратно разрушены.

– О нет! – в отчаянии воскликнул Бурав, в три стремительных прыжка пересек улицу. – Они даже не успели создать себе наследников!

Из раскрытого люка показался глаз камеры, затем быстро втянулся обратно. Зрелище вызывало жалость. Ральф на секунду остановился в задумчивости. Сколько всего старших бопперов в настоящий момент существует на Луне? Десять? Или пятнадцать? Неужели обычные бопперы действительно обречены на вымирание, неужели нет обходного пути? Возможно, он был не прав и должен...

– Тебе не остановить нас, ГЭКС! – Тонкая рука Бурава была вскинута в воинственном и яростном жесте. – Мыждемся твоей сессии с Единственным!

Каждый боппер, большой или маленький, старший или младший, обязан был подвергаться прочистке своей памяти путем подключения к Единственному раз в десять месяцев. Исключений быть не могло. Само собой разумелось, что у бопперов, таких больших и могу-

щественных, как ГЭКС, всегда имелся наготове сменный наследник, банки памяти которого постоянно обновлялись. Однако всем было известно также и то, что боппер, недавно передавший свою систему в тело очередного наследника, становился таким же уязвимым, как лобстер, только что поменявший свой старый панцирь на новый.

По этой причине угроза Бурава, существа-палочки, даже направленная к занимающему целый городской квартал ГЭКС, была не совсем пустой. Из люка выбросили еще один стеклянный диск, но Бурав легко от него увернулся.

– Завтра, ГЭКС! Завтра мы разберем тебя на части-и-и-и!

Гневный зеленый окрас Бурава несколько померк, и он вернулся на другую сторону улицы к Ральфу. Около ворот бопперы ковырялись в останках своих павших товарищей, отыскивая годные к использованию чипы.

– ГЭКС подключится к Единственному завтра в 13.00, – возбужденно заговорил Бурав, касаясь своей невесомой лапкой манипулятора Ральфа. – Приходи посмотреть, будет потеха.

– Я постараюсь, – отозвался Ральф, не покривив душой. Старшие бопперы действительно зашли слишком далеко. Анархическим основам лунного общества грозила опасность. Он обещал помочь им скопировать систему Андерсона и сделает это, но после...

– Постараюсь быть, – еще раз повторил он. – Будь осторожен, Бурав. Помни, даже если вам удастся одолеть ГЭКС, его роботы-манипуляторы сохранят работоспособность благодаря краткосрочному программированию. Предстоит большая драка, и вам нужно быть готовыми к этому.

Бурав мигнул теплым желтым цветом прощания, Ральф повернулся и двинулся по улице Звезд дальше, держа курс к ближайшей автобусной остановке. Совсем необязательно было проделывать все пять километров до космопорта пешком.

Путь к автобусной остановке лежал мимо салуна, и не успел Ральф поравняться с ним, как двери его распахнулись и на улицу выкатились два одинаковых боппера на гусеничном ходу, похожие на пивные бочонки с пучками щупалец с каждой стороны. Скрежеща гусеницами и вихляясь, эти бопперы двигались рядом, дружески переплетая постоянно извивающиеся щупальца. К квадратной голове каждого бочонка был подключен взятый напрокат скрамблер. Не разбирая дороги, они покатались прямо посреди тротуара против основного потока движения. Предупредительно уступив гулякам дорогу, Ральф встревоженно подумал о том, какие неприятности могут ждать их впереди.

– Смотри, как застеснялся красный шкаф, – прогрохотал один из бочонков.

– Хотел бы я погладить разъем вон у той голубой сферы, – отозвался другой, дружески стучаясь бортом о корпус приятеля.

Заглянув в окно салуна, Ральф заметил пять или шесть массивных бопперов, расположившихся вокруг большого электромагнита, установленного в центре зала. Даже не входя внутрь, он ощущал исходящие от магнита туманящие сознание блуждающие токи. Места вроде этого всегда пугали Ральфа. Вспомнив, однако, о том, что до посадки БЭКС осталось всего ничего, он заторопился и, свернув за угол, принялся изо всех сил вытягивать шею, надеясь разглядеть автобус.

Автобус – просторная открытая платформа без бортов – как раз подходил к остановке, что было как нельзя кстати. Ральф поднял манипулятор, и машина свернула к тротуару. При входе автобус потребовал внести плату за проезд, и Ральф послушно расплатился. Со вчерашнего дня плата повысилась на десять единиц. Постоянная инфляция являлась дополнительной природной силой, способствующей вымиранию слабых.

Ральф разыскал на платформе свободное место и зафиксировался на нем. Совершая поездки на лунном автобусе, на поворотах при скорости, достигающей до 30 км/ч, необходимо было соблюдать особую осторожность...

Бопперы подсаживались в автобус и выходили тут и там, но большая их часть, как и сам Ральф, направлялась в космопорт. Некоторые спешили в порт по делам, уже имея налаженные деловые связи с Землей, другие надеялись эти связи установить или наняться гидами к прилетающим. Один из последних, соорудив себе из имиполекса голову с более или менее человеческим лицом, намалевал в дополнение на своей спине приветственную надпись: «БОППЕРЫ И ЧЕЛОВЕКИ ДРУЗЬЯ!»

Ральф раздраженно отвернулся. Благодаря его усилиям бопперы давно освободились от уродливых, человеко-шовинистических приоритетов Азимова: Защищать человека, Повиноваться человеку, Защищать роботов... и тому подобной чуши. Теперь любую форму защиты и послушания человек мог получить от боппера только на взаимовыгодных условиях.

Однако до сих пор люди не могли или не хотели понять, что существующие соседями две совершенно разные расы необходимы друг другу, но не как хозяева и рабы, а как равные. Тем не менее, при всей своей ограниченности, человеческое сознание было удивительным... совершенно отличающимся от любого известного программного обеспечения боппера. Ральфу было известно, что ТЭКС и МЭКС уже начали активно заниматься сбором и перекачкой всех доступных человеческих систем и здорово в этом преуспели. Теперь они хотели получить систему Кобба Андерсона.

Процесс выделения человеческой системы из ее физической оболочки, процесс, так сказать, отделения мыслей от мозга, был летальным и необратимым. Что касается бопперов, то здесь все было гораздо проще. Простым подключением специального кабеля к нужному разьему любой механический индивидуум мог полностью считать и перекачать в свои банки всю до последнего байта информацию, хранящуюся в ячейках памяти другой электронно-силиконовой персоны. Декодировка же человеческого мозга являлась сложной и комплексной задачей. Необходимо было считывать не только картину электрических импульсов, но и отслеживать нейронные связи, разлагать и анализировать РНК, эти основы памяти людей. Осуществить это возможно было только при помощи обширного хирургического вмешательства, рассечения тканей и химического разложения их. Метла считал подобное деяние злом. Но Кобб мог...

– Прошу прощения, но, кажется, ты Ральф Числер, – внезапно просигналил ему узконаправленным лучом сосед. Этот стоящий рядом с Ральфом боппер напоминал стационарный фен из хорошей парикмахерской, снабженный также и креслом. Мерц-покров фена сиял золотом, а его остроконечную голову игриво украшали переливающиеся женственные мелкие спиральные завитки. Фен крепко взялся своим металлическим щупальцем за манипулятор Ральфа.

– Здесь лучше общаться на постоянном токе, – пришел к Ральфу шепоток незнакомца. – Так можно поговорить откровенно. У тебя потрясающий мысленный узор, Ральф. В этой половине автобуса на тебя все засматриваются, уверен, что ты заметил это.

Ральф растерянно оглянулся. Как можно определить, смотрит на тебя другой боппер или нет? Это можно определить только в одном случае: если его голова повернута в твою сторону и его органы зрения направлены на тебя. Так оно и было – большая часть бопперов вокруг Ральфа шарили по его телу глазами. Что же начнется в космопорте, когда Кобб Андерсон ступит на поверхность Луны?

– А как он выглядит, этот Кобб? – пришел воркующий ласковый сигнал от соседа Ральфа.

– Трудно сказать, – спокойно запульсировал в ответ Ральф. – Его голографическому изображению в музее уже двадцать пять лет. К тому же люди все на одно лицо.

– Только не для меня, – проворковал сосед. – Я занимаюсь проектированием автоматических косметических наборов для людей.

– Очень мило, – отозвался Ральф. – А теперь можно попросить тебя отпустить мою руку? Мне нужно кое-что обдумать – это частное дело.

– Хорошо. Кстати, почему бы тебе не заглянуть ко мне завтра днем? У меня хватит запчастей на пару наследников. Мне хотелось бы подключиться к тебе. Меня зовут Синди-Лу. Ячейка 3412.

– Может быть, если будет свободное время, – ответил Ральф, слегка смущенный такой прямоотой.

Бопперы, имеющие деловые отношения с Землей, были очень разборчивы в связях. Должно быть, красный мерц-покрыв, который продал ему Вулкан, действительно был хорош. Может быть, даже очень хорош.

– Постараюсь заглянуть к тебе после штурма.

– Какого штурма?

– Бопперы, раньше работавшие на ГЭКС, собираются самовольно демонтировать его. Завтра они попытаются это сделать. Он выбросил за ворота фабрики почти всех своих работников.

– Правда? Тогда я тоже схожу туда! Там наверняка можно будет подобрать что-нибудь интересное! На следующей неделе то же самое грозит МЭКС, ты в курсе?

Ральф пораженно замолчал. Неужели кто-то собирается демонтировать МЭКС, боппер-музей? Чем, ради всех систем, МЭКС заслужил такую участь?

– Этого не должно случиться, – встревоженно ответил Ральф. – Иначе все может выйти из-под контроля!

– Всех их под пресс! – спокойно отозвался Синди-Лу. – Если ты не против, я приведу с собой нескольких друзей.

– Какая мне разница? А сейчас оставь меня в покое. Мне нужно подумать.

Автобус уже выехал за пределы Диски и теперь катился по проложенному через голую лунную равнину шоссе к космопорту.

На равнине, где исчезали все признаки тени и солнце палило нещадно, мерц-покрывы всех пассажиров приобрели зеркальные свойства. Ральф с тревогой обдумывал новость об угрозе, нависшей над МЭКС. Хотя судьбы Андерсона это не касалось. Главным сейчас было скопировать систему старого кибернетика и отослать запись обратно на Землю. Отослать запись Мистеру Морозису, который сможет закачать систему в робота-двойника Кобба. Такой выход из положения будет для старика самым лучшим. Судя по сведениям, которые доходили до Ральфа, теперешняя физическая основа-оболочка Кобба могла отказать в любое время.

Автобус остановился перед полусферическим зданием на краю космопорта, приспособленным для обитания людей. Выходящий на орбиту вокруг Луны БЭКС сообщил, что посадка произойдет через полчаса. Как раз вовремя. Весь полет с Земли на челноке до орбитальной станции «Риф» и с «Рифа» до Луны на БЭКС занимал чуть больше двадцати пяти часов.

Из чрева полусферы высунулась пуповина герметического переходного тоннеля, приготовленная к тому, чтобы присосаться к шлюзу космического корабля сразу после его посадки. Прохладный лунный вакуум, столь приятный бопперам, был смертоносным для людей. В то время как теплый воздух внутри полусферы был смертельно опасен для бопперов.

Ни один боппер не мог войти в полусферическое здание без дополнительно подключенной холодильной установки, которую приходилось возить вместе с собой на колесиках. Для защиты собственных организмов от коррозии влажность внутри помещения держалась бопперами на возможном теоретически минимуме, однако присутствие людей заставляло идти на уступки и устанавливать температуру на уровне 290° К. И это люди называют «комнатной температурой»! Без дополнительной холодильной установки основанные на сверхпроводниках цепи бопперов в такой жаре разрушались в считанные мгновения.

Ральф заплатил положенную за прокат холодильника таксу... возросшую с последнего раза втрое... и, толкая агрегат перед собой, вошел в здание космопорта. Внутри уже собралась

толпа. Он нашел себе местечко рядом с конторкой регистрации виз, чтобы слышать имена и фамилии.

В зале ожидания в глаза ему бросились несколько кротов... сегодня их здесь было подозрительно много. Они следят за ним, это было ясно. Ральф понял, что должен был согласиться с Вулканом и изменить свой облик более основательно. Вместо этого он вырядился в сияющий красный плащ. Та еще маскировка!

Глава 9

Фигуры и лица на Луне беспрестанно менялись. Вот старушка с вязанкой хвороста за спиной, а вот леди в широкополой шляпе с пером, вот мечтательное лицо девушки, забывшей об окружающем ее мире.

– «Медленно, тихо движет Луна в небе в своем серебристом сиянии», – многозначительно продекламировал Кобб. – Есть вещи, Торч, которые остаются навсегда.

Торчок перегнулся через Кобба, чтобы заглянуть в маленький кварцевый иллюминатор. По мере того как они неторопливо подлетали к ночному светилу, оспины на щеках Луны и зубцы гор по краям ее кратеров приобретали все более и более осязаемые формы. Старая, больная сифилисом шлюха, размалевавшая свое лицо мешаниной для выпечки блинов. Торчок откинулся на спинку своего кресла и разжег последний косяк. В его голове собирались в клубки параноидальные мысли.

– Приходило тебе когда-нибудь в голову, – проговорил он сквозь облако дыма, каждая деталь и каждый завиток которого имели невиданную мучительную четкость, – что эти наши копии могут остаться на Земле *навсегда*? Что весь этот полет специально подстроен для того, чтобы убрать нас с глаз долой и поставить на наше место Андерсона и Торча вторых?

Что касается самого Торчка, то тут его рассуждения были совершенно правильными. Хотя Кобб не торопился ему об этом говорить. Он легкомысленно махнул рукой.

– Ты преувеличиваешь. Ну зачем бопперам...

– Ты больше знаешь об этих механических уродах, чем я, старик. Ведь это ты там напакостил, когда лунных роботов только проектировали?

– Где это ты слышал обо мне, Торч, в школе? – печально спросил Кобб. – Кобб Андерсон, научивший роботов мыслить самостоятельно? Неужели это вошло в учебники?

– Я до фига прогуливал и многое забыл, – отозвался Торчок, деревянно пожимая плечами. – Но что, если бопперы решили завести себе на Земле парочку агентов? Они послали вниз наши копии, а нас заманили к себе. Как только мы отвалили, копии начали выдавать себя за нас и собирать информацию. Что скажешь?

– Информацию о чем? – рявкнул Кобб. – Ни я, ни ты, Торч, на Земле не имели отношения ни к каким важным секретам.

– Главное, что меня сейчас волнует, – продолжил, не обращая внимания на слова своего спутника, Торчок, стряхивая невидимые капли напряжения с кончиков пальцев, – это отпустят ли они нас обратно на Землю? Может быть, они задумали сотворить какую-нибудь подлость с нашими телами? Решили использовать нас как подопытных мышей для запрещенных и бесчеловечных экспериментов...

Сказав это, не в силах больше сдерживаться, он разразился нервным, колючим смехом. Кобб покачал головой:

– Дэннис ДиМентис. Такое имя стоит в твоей визе. А кто я?..

Торчок выудил документы из кармана рубашки и передал своему соседу. Кобб просмотрел бумаги, прихлебывая кофе. В челноке он напился в стельку, но стюардесса привела его в чувство, сделав инъекцию стимулятора и витамина В. Такой ясности в голове у Кобба не было вот уже несколько месяцев подряд.

Вот перед ним его виза. Улыбающаяся бородатая физиономия, дата рождения: 22 марта 1950 года. Напечатанные буквы: «Грэм ДиМентис» и накорябанное его собственными каракулями чужое имя внизу.

– Все это чушь болотная, – заметил Торчок, заглядывая в визу Коббу через плечо.

– Почему?

Но Торчок не ответил ничего, отвернулся и, вытянув вперед, как обезьянка, губы, несколько раз подряд издал поцелуйный звук. По проходу между креслами, толкая перед собой сервировочный столик, шествовала стюардесса, с хрустом отдирая покрытые лентой «вэлкро» подошвы туфель от пола. Вьющиеся белокурые волосы свободными локонами обрамляли ее лицо.

– Пожалуйста, пристегните ремни. Мы совершим посадку в космопорте Диски через семьдесят секунд.

В тот же миг ожившие в корме корабля могучие двигатели сотрясли его остов. Стюардесса взяла из пальцев Кобба пустую кофейную чашечку и поставила ее на свой столик.

– Пожалуйста, погасите ваш курительный материал, сэр.

Это Торчку.

Торчок послушно передал косяк девушке, выпуская дым тонкими струйками между зубов в ее направлении.

– Погреться хочешь, киска?

Глаза стюардессы мигнули... Да? Или нет?.. Но вот она уже берет косяк и тушит его в остатках кофе Кобба, поворачивается и катит свою тележку дальше.

– Запомни, – наставительно заговорил Кобб. – В космопорте мы выдаем себя за туристов. Насколько я понял, какие-то бопперы, зовущиеся кротами, хотят помешать нам.

Двигатели корабля снова взревели, и судно мелко задрожало. В иллюминаторах за клубилась лунная пыль, последовал толчок, и наступила тишина. Кобб уставился в напоминающее смотровой глазок окошечко иллюминатора. Перед ними раскинулось Море Спокойствия.

Из-за близости горизонта казалось, что слепо-серая поверхность лунного моря неужели вспухает вверху. У самого края моря начинался крупный кратер... сколько до него, пять километров или все пятьдесят? Кратер Маскелайна. Уже на самом горизонте виднелись невероятно острые пики гор. Эти горы напомнили Коббу то, что ему так хотелось забыть: острые зубы, облака с рваными краями... Горы Безумия. Он точно помнил, что в одной из древних цивилизаций считалось, что умершие отправляются на Луну.

Снаружи корабля донесся заключительный, мягкий присасывающийся звук. Произошла стыковка с переходным тоннелем. Стюардесса принялась отворачивать колесо шлюза, ее ладный задок совершал круговые движения вслед за каждым поворотом колеса. По пути на волю Торчок предложил космической диве свидание.

– Мы с дедом остановимся в Хилтоне, киска. Меня зовут Дэннис ДиМентис. Я с ума сойду, если не достану здесь чего-нибудь погреться. Ты как, не прочь?

Улыбка стюардессы была так же непроницаема, как ротовой разрез тыквенной маски для празднования Хэллоуина.

– Возможно, вы сможете найти меня в баре.

– В каком... – начал было Торчок.

Стюардесса не дала ему договорить.

– Здесь только один бар, – объяснила она, раскланиваясь с Коббом. – Спасибо за то, что решили путешествовать на нашем лайнере, сэр. Желаю вам хорошо провести время на Луне.

Пассажирский зал порта был запружен бопперами. Торчок уже видел раньше несколько основных моделей, но сейчас впечатление было таким, словно ни один из находящихся в зале механизмов не был похож на другой. Перед ними был оживший «Ад» Босха. Лица и... «лица»... в проеме двери, сплошь сверху донизу и с правого края до левого.

Прямо перед дверью в воздухе висит, жужжа пропеллерами, улыбающаяся сфера. Ее улыбка – попросту трещина от края и до края.

– Экскурсии по подземным городам! – выкрикнул летающий шар, выкатывая фальшивые глаза.

У дальнего конца пандуса пассажиров дождалась машина – регистратор виз, имеющий вид огромного степлера. Требовалось подложить визу под выпуклый глаз-объектив регистратора, вслед за чем тот немедленно сканировал ваше лицо и изучал отпечатки пальцев. КХУНГ-ЧАННННГ! Следующий!

Рядом с машиной-регистратором торчал крупный красный робот-шкаф на гусеницах. Тварь, похожая на голубую змею или дракона, извивалась на полу в метре от шкафа. Крот. Красный робот исторг из своего угловатого тела микрофон, нервно подsunул его под нос Торчку и Коббу, потом отдернул обратно и отвернул голову.

Странно ведущий себя красный шкаф показался Коббу знакомым. Он немного напоминал Ральфа Числера. Но рядом вился крот, и Кобб почел лучшим воздержаться от вопросов. Предстоит еще встреча в музее, там он узнает все...

Перед ними по залу ходит, катится, ползает, летает и перемещается прыжками с сотню разномастных машин местного производства. Отовсюду, куда бы Кобб и Торчок ни повернулись, к ним тянутся разнородные трясущиеся металлические конечности.

- Ураном интересуетесь?
- Ртути нет на продажу?
- Есть антикварные телевизоры...
- Хотите трахнуть девочку-андроида?
- Пальцы не продаете?
- Останки Лунных Королей, отдам дешево...
- Фосфоресцирующие говорящие пенисы...
- Возьму чипы оптом...
- Хотите домашнюю еду?
- Желаете открыть фабрику?
- Совместный трах-отсос. Не интересуетесь?
- Код смерти ДНК?
- Ванны и клизмы из лунной пыли...
- Экскурсия в пещеру Вакуумных колокольчиков...
- Новые голосовые отпечатки?
- Скачаю систему без риска...
- Фотоаппараты не продаете?
- Хотите исполнить мои песни?
- Хотите, я буду вместо вас?
- Кому в отель?

Кобб и Торчок решительно запрыгнули на колени боппера, выкрикнувшего последнее предложение, иссиня-черного истукана, снабженного в передней части парой сидений формой под человеческие тела.

- Багаж есть? – деловито осведомился боппер.

Кобб отрицательно помотал головой.

Черный носильщик начал пробираться сквозь толпу, отодвигая с пути сородичей при помощи могучих скребков, напоминающих лапы морского котика. Торчок молчал, вероятно обдумывая некоторые из только что услышанных предложений.

У взявшего на себя заботу о них боппера имелись дополнительная пара глаз и микрофон на затылке. Стекланные органы зрения неотрывно рассматривали пассажиров.

– Почему здесь никто не следит за порядком? – брюзгливо спросил Кобб. – Местные механизмы ужасно досаждают своим домогательством пассажирам.

– Вы наши почетные гости, – громогласно отозвался боппер. – *Ахола*, что означает «Здрасте» и одновременно... «прощай». Ваш отель. Приготовьтесь к оплате.

Перед двумя креслами в борту боппера откинулась маленькая дверца.

Торчок вытащил свой бумажник. Такой бумажник, набитый плотно и туго, было приятно держать в руках.

– Сколько с нас... – начал он.

– Деньги – это так скучно, – отозвался боппер. – Лучше какой-нибудь подарок, сюрприз. Или комплексную информацию.

Кобб похлопал по карманам своего белоснежного костюма. Плоская бутылка с каплей скотча на дне, буклет с космического лайнера, несколько монет...

Их снова окружили бопперы, принялись ощупывать одежду, кажется отрывая при этом крохотные клочки материи в качестве сувениров.

– Книжки с «грязными» картинками?

– «Неспешная лодка в Китай»?

– Записи ощущений с казней?

Черный боппер пронес их всего ничего, какую-то сотню метров. Теряя терпение, Торчок сунул в требовательно выставленный приемный бункер боппера свой носовой платок.

– *Ахота*, – рывкнул механизм и торопливо заскользил обратно, раздвигая волны присутствующих своими лапами.

Отель – многоэтажная пирамидальная структура – занимал центральную часть здания-купола. Оказавшись внутри, Кобб и Торчок с облегчением вздохнули: в холле отеля находились только люди, бопперов видно не было. Туристы, бизнесмены, перекасти-поле.

Торчок оглянулся в поисках стойки регистрации, но ничего подобного не заметил. Он уже начал раздумывать, к кому бы обратиться за помощью, когда прямо над его ухом заговорил бестелесный баритон:

– Добро пожаловать в «Диски-Хилтон», мистер ДиМентис. Я приготовил для вас и вашего деда прекрасный номер на пятом этаже.

– Кто это говорит? – испуганно спросил Кобб, крутя во все стороны взлохмаченной головой.

– Меня зовут ДЭКС, я – Отель «Диски-Хилтон».

Весь отель был одним гигантским боппером. Непонятным образом машина могла посылать свой голос в любое место своих владений... и, что само собой разумеется, могла одновременно беседовать с разными постояльцами в разных номерах.

Голос-дух направил Кобба и Торчка к элегантному эскалатору, который мигом донес их до отведенного номера. Отель был по-настоящему радушным хозяином, не оставляющим своих гостей без внимания ни на минуту. Ни о какой приватности и речи быть не могло. Жадно осушив несколько стаканов воды из стоящего на столе кувшина, Кобб решил перекинуться словом с Торчком.

– Ну что, устал, Дэннис?

– Само собой, дед. Конеч-то неблизкий. На сегодня отдых. С чего начнем завтра?

– Та-а-ак. Я тут заметил нескольких ползучих – с ними нужно будет держать ухо востро. Может быть, прокатимся в этот музей истории роботов. Мы же интересуемся местными достопримечательностями, верно?

Прежде чем подать голос, Отель прочистил горло, чтобы не испугать постояльцев.

– В девять ноль-ноль прямо от выхода отеля отбывает экскурсионный автобус, который доставит вас в музей.

Кобб многозначительно взглянул на Торчка и поднял бровь. Известна ли ДЭКС суть их миссии? На чьей стороне находится Отель, на их или кротов? И почему это бопперам ни с того ни с сего вздумалось дарить ему бессмертие? Кобб достал из кармана фляжку, медленно отвинтил крышку, одним махом допил остатки скотча и прилег на кровать. Он *действительно* очень устал. Хотя дышалось при пониженной лунной тяжести легче. Они наверняка

здесь очень сильно поправятся. Размышляя о том, что бы съесть утром на завтрак, Кобб тихо погрузился в сон.

Глава 10

Торчок прикрыл старика одеялом и подошел к окну посмотреть вид. Бопперов снаружи поубавилось. Покидая купол, механизмы оставляли свои передвижные холодильные установки около шлюзовой камеры, где их сейчас скопилось множество. Горбатый боппер-служащий медленно и методично выравнивал тележки-холодильники в ряд.

По небольшой круглой площади, между боппером-регистратором и парадным входом отеля, прогуливалась парочка. Люди. Бесцельное блуждание двух маленьких фигурок показалось Торчку странным. Он стоит у окна вот уже пять минут, а эти двое все ходят и ходят кругами. Круг за кругом, словно мишени-силуэты в тире.

Полупрозрачный пластиковый покров купола, задерживающий яркие солнечные лучи, заметно приблизился и теперь находился совсем рядом. По принятому у людей времени сейчас была ночь, однако солнце снаружи сияло вовсю и бопперы и не думали угомониться. Несмотря на то что лунный день длился две земные недели, а сами бопперы «спали» весьма редко, они продолжали, возможно, из ностальгии, а может быть, по инерции, делить время на принятые среди людей двадцатичетырехчасовые интервалы. Чтобы как-то держать людей под контролем, в соответствующие периоды суток они уменьшали проницаемость герметичного купола для солнечного света.

Торчок вздрогнул, испытал острый приступ клаустрофобии. Каждое его движение записывается и анализируется – это было ясно. Каждый его вздох, каждый удар его сердца пополняет банки данных бопперов. Сам он сию минуту, по сути дела, находится *внутри* большого боппера, ДЭКС. Почему он позволил Коббу затащить себя сюда? Зачем Кобб так хотел взять его с собой?

Старик на диване всхрапнул. В течение одного ужасного мгновения Торчку казалось, что он видит тонкие провода, выходящие из черепа Кобба и исчезающие под подушкой. Он сделал шаг к кровати, наклонился над спящим и с облегчением обнаружил, что принял за провода редкие черные волосы, еще попадающиеся среди седых. Он выпрямился и направился к двери, решив сходить поразмяться вниз, в бар. Может быть, ему удастся найти стюардессу.

Бар был полон, но удивительно тих. Перед автоматическим барменом, навалившись животами на стойку, сидели несколько бизнесменов. Все они тянули местный сорт пива... от сухого воздуха под куполом горло постоянно пересыхало.

В середине бара три или четыре столика были сдвинуты вместе и уставлены доставленным с Земли шампанским. Вечеринка здесь была в самом разгаре. Торчок узнал в пирующих пассажиров первого класса. Тамадой был говорливый пузатый тип – гид. За сдвинутыми столиками тесным кружком сидело пять худощавых пар, явно молодоженов. Слишком молодые и определенно гуляют не на свои, скорее всего, тратят денежки родителей. При появлении Торчка никто из них и бровью не повел, все сразу же поняли, кто он такой – скучный примитив из низших сословий.

В дальней кабинке в конце бара находилась та, кого он искал, – стюардесса. Ни выпивки перед ней, ни книги или журнала – она просто сидит за своим столиком одна. Торчок подрулил туда через зал.

– Не забыла меня?

Девушка кивнула:

– Нет, конечно.

Что-то странное было в том, как она сидела здесь, вот так одна... с пустым лицом, словно машина на стоянке.

– Я даже ждала тебя, можно сказать.

– Клево! Здесь торгуют травой?

Бестелесный голос Отеля зазвучал за его спиной.

– Что желаете заказать, мистер ДиМентис?

Торчок задумался. Он хотел немного расслабиться, чтобы потом заснуть... если до этого дойдет.

– Дайте мне пиво и двойное крепкое.

Он взглянул на правильно-симметричное, улыбающееся ему через столик лицо.

– Что будешь ты?

– Мне как обычно.

– Очень хорошо. Мадам, сэ... – Голос растаял.

Через секунду над их столиком в стене распахнулась дверца. Лента конвейера принесла на подносе заказ. Двойное крепкое Торчка представляло собой прозрачную жидкость в коротком толстом стакане, нещадно щиплющую язык из-за растворенных веществ и горькую от алкалоидов. То же, что предназначалось стюардессе...

– Как тебя зовут? – Торчок одним махом проглотил похожую вкусом на лекарство смесь в стакане. Теперь он будет смотреть веселые картинки. Ему будет хорошо, но ровно два часа.

– Мисти.

Девушка протянула руку и взяла с подноса свой заказ. Свое *обычное*.

– Что это у тебя?

По спине Торчка побежали колючки паники. Это их двойное крепкое не назовешь безмазовым, сильная штука... Девчонка, сидящая напротив него, поднесла к голове странный продолговатый предмет, напоминающий ручной фонарик...

Внезапно она захихикала и закатила глаза.

– Как здорово. – Она отняла устройство от головы, передвинула на его шкале указатель и снова принялась водить им по лбу.

– Что вы, люди, говорите в таких случаях... клево?

– Ты что, живешь на Луне постоянно?

– Само собой.

Продолжительная пауза, в течение которой девушка живо водит своей штуковиной по голове между волосами, как парикмахер машинкой.

Со стороны столиков молодоженов донесся взрыв громкого смеха. Кто-то отпустил соленую шутку. Возможно, мясистый здоровяк-тамада, щедро с пеной разливающий по бокалам шампанское.

Торчок внимательно всмотрелся в колышущееся напротив него пустое лицо, пытаясь проникнуть под невозмутимую маску, потом снова уставился на цилиндр в руках блондинки. С подобным способом заторчать он встречался впервые.

– Что это у тебя? – спросил он снова.

– Электромагнит.

– Так, значит, ты... боппер?

– Не совсем так. Во мне нет ни грамма органики, это так. Но я не самостоятельна. Мой мозг находится внутри БЭКС. Можно сказать, что я самодвижущаяся часть корабля. Его манипулятор.

Девушка принялась водить цилиндром перед глазами, любуясь тем, как магнитные волны искажают окружающее.

– Клево, – снова сказала она. – Научишь меня еще чему-нибудь из нового сленга?

До встречи со своим двойником в космопорте Торчок ни за что бы не поверил, что можно перепутать человека и робота. И вот теперь это случилось с ним снова. Чувствуя, как двойное крепкое ревет и взрывается у него в голове тысячей салютов, ему захотелось поскорее забиться в какую-нибудь щель.

Мисти наклонилась к нему через стол, изогнув в улыбке уголки губ.

– Ты что, решил, что я живая?

– Ну, как сказать – обычно я не назначаю свидания машинам, – буркнул в ответ Торчок и, уразумев, что ляпнул чушь, попытался исправить дело шуткой. – У меня даже вибратора нет.

Девушка обиделась. Она снова включила свой магнит, ее лицо опять стало непроницаемой маской экстаза – она выразила ему свое презрение.

Почувствовав одиночество, Торчок протянул руку и отвел цилиндрок-электромагнит ото лба девушки.

– Давай поболтаем, Мисти.

Он натурально мог чувствовать движение ее губ и языка, производящих звуки, слова. Слишком сильно последний раз принял. Неожиданно он вздрогнул от страха, заподозрив, что *все* сидящие в баре вокруг него тоже роботы. Но почувствовав в своей руке теплые и на ощупь вполне человеческие пальцы девушки, он немного успокоился.

Шапка пены в бокале с пивом, который он попросил для себя, почти опала. Он даже не прикоснулся к пиву. Мисти взяла бокал обеими руками и, глядя Торчку прямо в глаза, отпила глоток, потом передала бокал ему. Он тоже глотнул. Пиво было густым и горьковатым на вкус.

– ДЭКС варит это пиво сам, – заметила Мисти. – Нравится?

– Отличное пиво. Ты что, и «по-маленькому» ходишь? Или у тебя внутри есть пакет, который ты опорожняешь каждые...

Мисти отложила магнит и переплела свои пальцы с пальцами Торчка.

– Ты можешь думать обо мне как о настоящей живой девушке. Моя личность полностью очеловечена. Я люблю вкусно поесть, выпить иногда и... кое-что другое тоже люблю.

Девушка премило надула губки и нарисовала пальцем на ладони Торчка кружок.

– На линии Земля – Луна редко встречаются клевые парни...

Торчок поспешно отнял руку.

– Но как ты можешь быть человеком, если ты машина?

– А вот так, очень просто. В Ричмонде, штат Виргиния, жила-была когда-то юная леди по имени Мисти Новак. Прошлой весной Мисти решила прокатиться автостопом в Дейтона-Бич и потусоваться с головами-серферами. Там она попала в дурную компанию. Очень дурную. К убийцам-маньякам, которые называют себя «малыши-шутники».

«Малыши-шутники». Стоило Торчку закрыть на секунду глаза, как он снова видел перед собой их лица. Блондинистую чиксу, которая подцепила его... как там ее звали, Кристлин? Оспяного Берду в блестящем ошейнике. Беззубого уroda Пол-Пола. Фила, главаря, здоровяка с наколкой на спине.

– ...переписали ее мозг, – сказала Мисти. – А БЭКС тем временем создал копию ее тела. С тех пор внутри БЭКС живет полная модель личности девочки Мисти. БЭКС говорит модели, что нужно делать, а модель заставляет двигаться... вот это.

Мисти подняла руку ладонью вперед и расставила пальцы.

– Совершенно новенькая, с иголочки, Мисти.

– Я знаю, – сказал Торчок голосом настолько спокойным и нейтральным, насколько это было возможно, – что «малыши-шутники» *едят* мозги, а не *переписывают* их.

– Ты слышал о них? – Лицо девушки выразило искреннее удивление. – Со стороны действительно кажется, что они *едят* мозг. Дело в том, что один из «шутников» – робот, имеет внутри себя, в груди, мини-лабораторию. Он выкачивает из мозговой ткани воспоминания. Переписывает специфику структуры мыслительных процессов. Таким вот образом эта группа приобрела уже очень много записей человеческого мозга. Старшие бопперы хотят организовать из этих записей особую библиотеку. Однако, как правило, тел-двойников для людей, чей мозг подвергся копированию, не создается. Мне просто... повезло.

Мисти снова улыбнулась.

– Удивительно, что ты решила мне все это рассказать, – наконец проговорил Торчок.

Должно быть, БЭКС и Мисти действительно ничего не знают о том, кто он такой. То, что сфабриковало ему и Коббу фальшивые документы, могло просто не успеть поставить в известность остальных.

Но может быть... и это было гораздо хуже... что они *отлично* знают, кто он. Тогда он конечный человек, ходячий мертвец, чей мозг должен быть со дня на день вскрыт, препарирован и переписан, а запись отослана на Землю, где ее дожидается Торчок-второй. Они все отлично продумали. Человеку, судьба которого предрешена и который должен исчезнуть, можно говорить все что угодно.

– Но БЭКС не хочет, чтобы я жила своей жизнью, – говорила тем временем Мисти. – Ты-то его, конечно, не слышишь, но он все время требует, чтобы я замолчала. Но он не может заставить меня сделать это. У меня есть свобода воли... это неразрывная часть записи моего мозга. Я могу делать то, что захочу.

Мисти улыбнулась, не спуская с Торчка глаз. Она секунду помолчала, потом заговорила снова.

– Ты спросил, кто я такая. Я дала тебе один из ответов. Я робот-манипулятор. Самодвижущийся узел, контролируемый программой, сохраняемой в корабле-боппере. Но с другой стороны... я та же Мисти, которой была раньше. Человеческая душа то же программное обеспечение, та же операционная система. Да ты, наверное, знаешь об этом. В мою систему входит все, что нужно: привычки и воспоминания. Мозг и тело – это просто мясо, семя для емкостей, где выращиваются искусственные органы.

Мисти неуверенно улыбнулась, отхлебнула пива из бокала и поставила его на стол.

– Потрахаться хочешь?

Секс с Мисти был приятным и печальным. Торчок был смущен. Он никак не мог избавиться от двойственного ощущения. Мисти казалась ему то милой и теплой девушкой, пережившей серьезную операцию, похожей на бездомного щеночка, которого хотелось погладить и приласкать, одинокую женщину, мужем которой хотелось стать, чтобы защитить и поддержать. Но через секунду эти мысли уходили и он начинал воображать тонкие проводки, которые переплетаются у Мисти в голове сразу же за стекляшками глаз, и твердить себе, что спутался с машиной, что занимается извращениями с мертвым предметом, с общественной уборной. Хотя примерно те же самые мысли лезли ему в голову с любой другой девушкой.

Глава 11

Проснувшись и увидев в постели Торчка девушку, Кобб Андерсон совсем не удивился.

– Ты та самая стюардесса, – утвердительно заявил он, медленно принимая сидячее положение. Он спал в одежде уже третью ночь подряд. Первую ночь он провел на полу у Муни, вторую – в космическом лайнере-боппере и, наконец, третью – в Отеле. Его кожа была настолько грязной и сальной, что он с трудом мог открывать и закрывать глаза.

– Здесь есть душ?

– Очень жаль, – отозвался бестелесный голос Отеля, – но душа у нас нет. Вода на Луне – большая ценность. Но если вы хотите освежиться, к вашим услугам, мистер Андерсон, химический опрыскиватель. Следуйте моим указаниям...

В проеме одной из трех выходящих из спальни дверей мигнул свет. Неуверенно поднявшись с кровати, Кобб осторожно заглянул в дверь.

– Мне придется взять с вас плату за номер за троих, мистер ДиМентис, – вежливым, нейтральным тоном сообщил Отель Торчку.

Одновременно с этим над ухом девушки раздался другой точечный шепоток:

– Ну как все было?

– Завтрак, – громко крикнул Торчок, стараясь заглушить сплетников. – Стимуляторы центральной нервной системы. И холодного пива.

– Сию минуту, сэр.

В дверях душевой снова замаячил Кобб, одеревеневший и похожий на поставленный на торец моряцкий сундук на колесиках. Он был совершенно гол. Встретившись глазами с Мисти, Кобб в растерянности остановился.

– Я отдал одежду в чистку.

– Ничего страшного, – успокоил его Торчок. – Она всего-навсего робот-манипулятор.

Не обращая внимания на слова своего молодого спутника, Кобб сдернул с собственной кровати простыню и обернул ею бедра. Он был сплошь покрыт густым седым волосом. Теперь, когда он остался без одежды, у него стало заметно небольшое брюшко.

В стене между двумя кроватями распахнулась дверца, и на кофейный столик выскользнул поднос с завтраком.

– Ваше здоровье, – проскрипел Кобб, поспешно цапнув одно пиво. От растворенных в пиве стимуляторов у него на несколько секунд закружилась голова. Он взял с подноса тарелку с... омлетом, кажется... и уселся на свою кровать.

– Похоже, что мистер не знает, кто такой робот-манипулятор, – сказал Торчок девушке.

Набив омлетом рот, Кобб испепелял Торчка взглядом до тех пор, пока не прожевал и не проглотил пищу.

– Я знаю, что это такое, Торч. Можешь ли ты уразуметь своей отупевшей от наркоты головой, что я, в конце концов, известный в науке человек? В свое время меня многие знали. Это я, Кобб Андерсон, научил роботов вести самостоятельный образ жизни.

По лицу девушки скользнула легкая тень. Только теперь Кобб вспомнил об их с Торчком легенде.

– Здесь у ушей есть стены, – заметил Торчок. – Эх ты – голова-тыква.

Кобб снова ожег его взглядом, но доедал омлет уже в молчании. Пускай теперь часть бопперов знает, кто он такой, – но какая разница? Не может же быть так, что *вся* Луна ополчилась против него. Скорее всего, Отелю все это до лампочки. В условиях пониженной лунной гравитации Кобб отлично выспался. Он был полон сил и готов ко всему.

Узнав, что вместе с ней в комнате находится сам Кобб Андерсон, Мисти... а точнее, электронный мозг боппера в носовой части космического корабля, предпринял некоторые шаги, не прерывая объяснений своего манипулятора с Торчком.

– Почему ты сказал: «Она всего-навсего робот»? Кто позволил тебе это? Словно я чем-то хуже человека. Хуже тебя, например. Сказал бы ты то же самое о женщине с протезом вместо ноги? Или со вставным глазом? Пускай мое тело *полностью* искусственное, ну и что с того?

– Это клево, Мисти, в самом деле. Не принимай близко к сердцу. Просто пока последнее слово остается за БЭКС, а я уверен, что это так, ты та же марионетка, за ниточки которой...

– А сам-то ты кто? Как ты там называешь себя? – задиристо перебила его Мисти. – *Торчи*? Вот уж действительно идиотское имя. Похоже на заводскую марку фаллоимитатора!

– Оскорбление личности, – грозно проговорил Торчок, качая головой. – Что еще скажешь?

– Уже 8.30, – подал голос Отель. – Могу я взять на себя смелость напомнить вам, что вчера вы собирались ехать на автобусе в 9.00 в Музей робототехники?

– Нам понадобятся скафандры? – тупо спросил Кобб.

– Скафандры вам будут выданы.

– Тогда пошли, – подытожила Мисти.

Торчок переглянулся с Коббом.

– Послушай, Мисти... для моего деда эта поездка связана с воспоминаниями молодости, понимаешь. Поэтому не могла бы ты на время... слинять. Может быть, мы возвратимся к обеду.

– Слинять?! – воскликнула Мисти, в ярости начиная одеваться. – Жаль, что у меня на макушке не предусмотрен выключатель! Тогда тебе не пришлось бы даже просить меня убираться! Слизняк, вот ты кто!

Вылетев из комнаты, она с грохотом захлопнула за собой дверь.

– Упс, – негромко прокомментировал Отель.

– Зачем ты ее прогнал? – спросил Кобб. – Она симпатная. Не думаю, что она могла бы мне помешать.

– Откуда ты знаешь? – ответил Торчок. – Откуда ты можешь знать, что бопперы не затеяли с нами какую-то подлость?

– Мне обещан препарат бессмертия или что-то в этом роде, – счастливо отозвался Кобб. – Может быть, в дополнение к этому мне поменяют что-нибудь из органов. А что касается тебя, то...

Что же касается Торчка, то о том, что тот оказался здесь только потому, что бопперам нужно было устранить его с Земли, Коббу говорить не хотелось. Но молчать дальше было невыносимо. Он уже почти решился рассказать Торчку о разговоре с его механическим близнецом в гараже, о том, как тот, используя влияние Муни, планировал устроиться ночным сторожем в космопорт, но не успел и рта раскрыть.

– Бессмертие! Не это им нужно. Они хотят выпотрошить наши головы, выковырять оттуда мозги, разрезать их на кусочки и выкачать всю содержащуюся в них информацию. Бопперы переписывают личности людей на пленку или черт знает куда и хранят записи в какой-то библиотеке. Если нам *повезет*, записи наших личностей могут быть посланы на Землю, чтобы там с помощью этих пленок управлять нашими же роботами-двойниками. Но у них ничего не...

– ЖЕЛАЮЩИЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В АВТОБУСНОЙ ЭКСКУРСИИ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО СОБРАТЬСЯ В ХОЛЛЕ ПЕРВОГО ЭТАЖА! – громко и отчетливо проговорил Отель, помешав Торчку закончить свою речь.

Словно гальванизированный, Кобб сорвался с места и начал собираться. Через минуту он уже мчался к эскалатору, волоча Торчка за собой. Он не хотел знать правду, слышать о ней не желал. Возможно, что ему было на правду наплевать. А сам Торчок? Он послушно

позволял Коббу уводить себя. Теперь, когда Отель знает все, что знает он, оставаться здесь было небезопасно. Он попытается сбежать от Кобба в музей.

Автобус был заполнен только наполовину. Большую часть экскурсантов составляли люди в возрасте, парами и поодиночке. Все облачились в выданные скафандры, выглядевшие надутыми. Лунные скафандры были любопытными, симпатичными устройствами – полностью сделанные из тончайшего прозрачного пластика, они, казалось, искрились внутренним светом. Находясь в тени, человек в лунном скафандре выглядел вполне обычно, не считая едва заметного гало вокруг головы. На солнце скафандры приобретали зеркальные свойства.

Автобус имел вид плоской открытой платформы на упругих колесах со спицами вроде велосипедных, с двумя рядами утрированно чисто функциональных сидений: каждое сиденье представляло собой три черных шара из жесткой резины, смонтированных на Y-образной пластиковой конструкции. Торчку эти сиденья напомнили голову Микки Мауса... от которой остались только огромный нос да пара ушей. Присаживаясь на большой центральный шар, он почти ожидал услышать доносящийся из-под собственного сиделища визг протеста.

Когда лунный автобус выехал из-под купола, в шлеме Торчка раздался треск помех.

– Мы сели, порядок, Хьюстон. Начинаем проверку готовности шлюза.

Раздались звук учащенного дыхания, тихий свист и вой, потом снова голос:

– Я выхожу наружу.

Пауза.

– Погнулась ступенька, сейчас исправлю.

Продолжительная пауза.

– Мы слушаем тебя, Нэйл.

Разнообразные приглушенные голоса, подбадривающие и поздравляющие.

Сильный треск.

– ...маленький шаг для одного человека, но гигантский скачок для всего человечества.

Грохот нарочито бурных аплодисментов заглушил слабый голос. Торчок повернулся к Коббу, пытаясь рассмотреть выражение лица старика. Но увидеть чужое лицо сквозь стекло шлема было невозможно. Как только они покинули купол и оказались на солнце, материал скафандров превратился в гибкое зеркало.

Смонтированными короткими отрывками из «Открытия и освоения Луны» Автобус развлекал их всю дорогу до Диска. Театрализованы были все основные посадки пилотируемых спускаемых аппаратов на спутник, попытки основания первых поселений людей, взрывы и гибель куполов, а также прибытие первых полуавтономных роботов. В полукилометре от Диска записанный на пленку превосходный густой голос диктора воскликнул:

– Тысяча девятьсот девяносто пятый! Ральф Числер и двенадцать его товарищей, самопрограммирующихся и самовоспроизводящихся роботов, основали поселение в районе Моря Спокойствия! *Продолжение* великой истории вы сможете узнать в Музее робототехники!

Прозвучал щелчок, и наступила оглушающая тишина.

Торчок рассматривал заслоняющие короткий горизонт дома Диска. Тут и там между строениями были заметны движущиеся блики отраженного солнечного света – неразличимые на расстоянии бопперы.

Внезапно в шлемах пассажиров загрохотал голос самого Автобуса:

– Доброе утро, создания из плоти и крови. Я начинаю обзорный объезд Диска с целью выхода на входной вектор, расположенный под углом в пятьдесят восемь градусов к северу. Просьба проявлять активность и задавать вопросы. Обращаться ко мне следует «капитан Коди». Сейчас прошу всех зафиксироваться на местах...

Почти не снижая скорости, Автобус круто повернул направо. Сиденья на подпорках-игреках сильно закачались из стороны в сторону. Чтобы не вывалиться за борт, Торчок поспешно ухватился за руку Кобба. Падение из Автобуса грозило немедленной гибелью под

его огромными, бешено вращающимися колесами. Славный капитан Коди, похоже, никогда не сбрасывал скорости на виражах. Сиденья опасно раскачивались еще в течение целой минуты. Машина начала огибать город по кругу против часовой стрелки, держась в полукилometре от крайних зданий.

– Сколько бопперов живет здесь? – проскрипел в наушниках чей-то старческий голос. Ответа не последовало.

Тот же голос попытался добиться своего еще раз.

– Сколько бопперов живет в Диски, капитан Коди?

– Я произвожу обновление информации, – сообщили в ответ.

Голос Автобуса был высоким и мелодичным. И абсолютно нечеловеческим. В наступившей тишине все с нетерпением ждали точных сведений о популяции механического населения.

Мимо Автобуса слева проплыло колоссальное здание. Стен у сооружения не было, внутри на этажах можно было различить сложенные пачками листы разноцветного пластика. Несколько бопперов, занимающихся укладкой пластиковых листов, при появлении туристического Автобуса бросили свое занятие и принялись следить за ним, замерев и медленно поворачивая головы вслед.

– С какой точностью вы хотите получить ответ? – вдруг спросил Автобус.

– Даже не знаю, – неуверенно проскрипел старческий голос. – Ну скажем... нулевая точность сойдет? Такое вообще возможно?

– Благодарю вас, – прозвенел колокольчиком Автобус. – С заданной точностью «ноль», в Диски *не живет ни одного* боппера. Или же десять в шестьдесят третьей степени.

В разговорах с людьми бопперы всегда становились изводяще-придирчиво-буквальными, что уже давно стало их пресловутой чертой. Это был всего лишь еще один способ, при помощи которого они могли выразить свою враждебность. Механизмы не могли простить людям законов Азимова, которые конструкторы... безуспешно, слава Коббу... пытались запрограммировать в их электронные мозги. В каждом человеке бопперы видели несносного Саймона Легри.

После преподанного урока больше вопросов капитану Коди не задавали. Диски был большим городом... возможно, таким же большим, как, например, Манхэттен. Автобус строго выдерживал раз принятые пятьсот метров от зданий пригородов, но даже с этого расстояния нельзя было не заметить поразительного разнообразия городского ландшафта.

Казалось, что кто-то решил собрать в одном месте всю историю архитектуры западной цивилизации. Притиснутые друг к другу, но все-таки различимые постройки относились к основным типам: примитивизм, классицизм, барокко, готика, ренессанс, индустриальный, арнува, функциональный, поздний фанк, заппер, крепускуляризм, плоский-плоский, хуперди... все в отличном состоянии и в полном соответствии со спецификой. Между зданиями сновали мириады ярко окрашенных бопперов, созданий, покрытых каким-то специальным, сверкающим на все лады составом.

– Почему все дома такие разные? – наконец не выдержал Торчок. – Объясните, капитан Коди?

– О какой категории причины идет речь? – весело пропел Автобус.

– Перечислите категории, капитан Коди, – бодро отразил выпад машины Торчок, совершенно не настроенный попадать в ловушку, уже открытую предыдущим любознательным.

– ВОПРОСЫ «ПОЧЕМУ», – проблеял в ответ Автобус. – *Категории ответов:* материальные причины, ситуативные причины, теологические причины. *Подкатегории материальных причин:* пространственно-временная, массо-энергетическая. *Подкатегории ситуативных причин:* информация, фоновый шум. *Подкатегории теологических причин:* ...

Торчок перестал слушать. Не видя лиц сидящих вокруг людей, он чувствовал себя не в своей тарелке. Шлемы скафандров всех до единого окружающих превратились в увеличенные

подобия серебряных елочных шаров. В ближней к нему голове-шаре отражались эклектичные постройки Диски, в голове следующего то же самое, и так до бесконечности. Сколько часов они уже трясутся в этой несносной колыхаге?

– *Подподкатегории информационно-ситуативных причин*, – невозмутимо продолжал перечисление Автобус, не теряя своей оскорбительно-скрупулезной интонации. – Аналоговые. Цифровые. *Фоново-шумовые...*

Торчок вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Поездка обещала быть длинной.

Глава 12

Музей робототехники находился в глубине лунной поверхности, под Диски. Сооружение состояло из ряда концентрических кругов, пересекаемых несколькими лучами. Что-то вроде приблизительной модели дантова ада. Спускаясь по широкому, полого уходящему вниз коридору, Кобб ощутил стеснение в груди. Могло случиться, что теперь, когда до финиша оставалось всего ничего, его дешевое, подержанное сердце вдруг не выдержит и лопнет.

Чем больше он думал о том, что сказал ему в Отеле Торчок, тем больше склонялся к мысли, что тот был прав. Никакого эликсира бессмертия нет. Все это чушь. Бопперы хотели переписать содержимое его мозга и дать ему новое, механическое тело. Тело робота. Учитывая состояние, в котором сейчас находилось его биологическое тело, этот выход из положения был не так уж плох.

Идея экстракции мыслительной структуры мозга и переноса ее в другую физическую оболочку пугала Торчка, но Кобб относился к этой возможности философски. Он хорошо понимал принципы, на которых основывалось сознание роботов. Суть способа пересадки сознания была ему неясна, но он осознавал, что для него теперешнего это закончится неизбежной гибелью. Хотя если все пройдет удачно...

– Это вон там, справа, – сказал Коббу Торчок, прижавшись к его шлему своим. В руках Торчок держал маленькую сувенирную схему музея, выгравированную на камне. Они разыскивали зал Андерсона.

Стоило им ступить в какой-нибудь залец, как выставленные в нем экспонаты оживали. Основную часть экспозиции составляли голограммы с передачей звукового сопровождения непосредственно в радиоприемники скафандров. Вот прямо перед ними из воздуха материализовался худошавый мужчина в темном костюме и шерстяной водолазке. *Курт Гёдель* – гласила надпись у ног голограммы. Мужчина был сед и носил очки в черной роговой оправе. Фоном для фигуры в костюме служила классная доска, на которой мелом были выписаны соотношения знаменитой теоремы Гёделя о неполноте.

– Человеческий разум не в силах сформулировать (или создать механический прототип) математического аппарата собственной интуиции, – объявил призрак Гёделя. У великого ученого была манера завершать каждую фразу на подъеме, переходящем в невразумительный восторженный гул. – С другой стороны, что неоднократно уже было подтверждено и доказано, представляется возможным существование логической машины, способности которой были бы эквивалентны математике человеческой интуиции...

– О чем это он? – удивился Торчок.

Кобб замер, почтительно уставившись на голографический облик своего высокочтимого учителя. Он хорошо помнил годы, которые провел в попытках проникнуть в тайный смысл только что прозвучавших слов. Человек *способен* создать робота настолько же умного, как и он сам. Но известно было лишь то, что такой робот мог существовать *теоретически*.

«Как этого добиться? – спрашивал себя Кобб в течение всех семидесятих. – Каким образом нам создать робота, построить которого мы пока не в силах физически?» В 1980 году у него был уже готов скелет ответа. Один из его коллег написал статью для «Теории Науки и Техники». «На пути к Роботу Разумному» – так называлась эта статья, и в ней целиком содержалась идея ответа на мучивший Кобба вопрос. «Роботы должны обладать способностью развиваться». Однако до воплощения костяка идеи в плоть и кровь было еще далеко...

– Пошли же, пошли. – Торчок тянул Кобба от голограммы великого учителя дальше.

Перед ними через коридор промчались две перепуганные ящерицы. Из-под потолка зала на них пикировало кровожадное создание с кожистыми крыльями и распахнутой, усаженной пилообразными рядами зубов пастью. Одна из ящериц успела проворно отскочить в сторону,

другая была схвачена и унесена крылатой тварью над головами Кобба и Торчка в неизвестность. На пол упали капли бледной крови...

– «Выживают лучше приспособленные», – плотоядно прокомментировал радостный дикторский голос. – Вот одна из основных движущих сил эволюции.

Словно в ускоренной съемке, оставшаяся в живых ящерица проворно отложила в песок кучку яиц, из которых на глазах вылупилось с полдюжины новых ящериц, начавших рыскать по окрестностям. Зубастый хищник снова появился за своим обедом, уцелевшие отложили яйца... цикл повторился еще и еще. Каждый новый выводок был немного шустрее предыдущего, с чуть более развитыми сильными задними лапами. Через минуту ящерицы уже споро прыгали по залу, как маленькие голые кенгуру, высовывая наружу раздвоенные язычки и блестя умными желтыми глазками.

На этот раз дальше предложил идти Кобб. Торчок хотел остаться и посмотреть, что с ящерицами случится потом.

Покинув сцену доисторической рутины, они оказались прямо посреди сельской ярмарки. Трещали ружейные выстрелы и шутихи, жужжали лотерейные машины, люди звонко смеялись и приветственно кричали, и надо всем этим стоял неугасимый inferнальный гул могучих машин. На полу появилось изображение опилок, мимо время от времени проплывали смутные улыбающиеся фигуры деревенских щеголей и щеголих. Юноша и девушка, забившись в щель между парусиновыми торговыми палатками, блестящими от масла пальцами кормили друг друга попкорном. У юноши было выдающееся адамово яблоко и нос картошкой – классический синусоидальный профиль. Волосы девушки были убраны в пышный конский хвост, удерживаемый сверкающей заколкой. Картина казалась очень натуральной... и единственной разрушающей естественность деталью были прозрачные короткие пурпурные лучики света, легко пронизывающие элементы представления. Поначалу Кобб принял эти лучи за статический фон помех.

Повернувшись направо, они увидели перед собой балаган с огромной афишей на борту с намалеванными от руки изображениями разнообразных отклонений человеческого тела. Безошибочно опознаваемый зазывала – клетчатый костюм, котелок, изжеванный окурок сигары – громогласно обратился к ним, поднеся ко рту жестяной рупор:

– Невероятные Уроды! Спешите видеть! Только у нас!

В высоком хриплом голосе зазывалы, казалось, слились голоса сразу множества людей.

– Узкоголовый! Мальчик-собака! Шея-карандаш! Человек-бобы! Полумужчина-полу... – Медленно, постепенно ярмарочный вихрь стих и отошел на задний план, сменившись глубоким, проникновенным баритоном диктора.

– Мутации. – Голос был убедительным, весомым, не признающим сомнений. – Вторая движущая сила эволюции.

Вездесущие лучики пурпурного света сделались ярче. Они пронизывали все вокруг... в особенности сосредоточившись на влюбленной парочке между палатками, которая уже целовалась в засос, крепко прижимаясь друг к другу бедрами.

– Человеческие репродуктивные клетки постоянно подвержены ионизирующему облучению, – доверительно продолжал голос. – Обычно его называют космическими лучами.

Шум ярмарки снова вернулся на свое место. Но на этот раз каждый короткий лучик, попадая в свою цель, издавал убедительный шипящий звук. Двое влюбленных постепенно начали увеличиваться в размерах, выдвигаясь на передний план, занимая собой почти весь зал, уходя в потолок. Вскоре над зрителями нависал только вздувающийся у молодого человека в тугих брюках бугор. Ткань с треском лопнула, на мгновение мелькнула чудовищная мошонка, и все вокруг заволочло красным. Торчок и Кобб смотрели на происходящее как замороженные.

Вокруг бурлил темно-красный свет, в уши начал биться настойчивый сдвоенный стук сердца. Время от времени через поле зрения проносились уже знакомые космические лучи.

Через мгновение возникло новое видение – трехмерное хитросплетение водопроводных труб повсюду вокруг них. Зернистость изображения постепенно возрастала, изображение сосредоточилось на группе зерен, из которых стало выделяться одно. Теперь они смотрели на группу клеток, репродуктивных клеток. Перед Коббом и Торчком повисло ядро одной из них.

Внезапно ядерный материал распался на дергающиеся крабовидные полосатые колбаски. Хромосомы. Мелькнул очередной космический луч и разрезал одну из колбасок пополам! Две половинки хромосомы тут же снова соединились и срослись, но уже чуть-чуть в другом положении, чем раньше!

– Изменение генов, – промурлыкал где-то за спинами зрителей дикторский баритон. Еще через секунду картинка исчезла. Перед ними снова был уходящий вниз каменный коридор. В задумчивости они двинулись дальше.

– Отбор и мутации, – проговорил Кобб. – Это была основа, Торч. Моя идея заключалась в следующем: наделить роботов возможностью развиваться. Запрограммировать их на постройку копий самих себя, запасные части к которым нужно было добывать силой, через борьбу. Естественный отбор. В дополнение к этому я добавил способ внесения случайных изменений в программную основу за счет использования частотных составляющих космических лучей. Мутации. Знал бы, чем все это кончится...

Прямо перед ними коридор разделился.

– Это место встречи, которое мы ищем, – сказал Торчок. – Зал Андерсона.

Глава 13

Заглянув в зал, они не увидели ничего, кроме неясных форм прямоугольного сооружения у дальней стены, отбрасывающего красноватое свечение на каменные стены. Но стоило им ступить внутрь, как представление началось.

– Мы не можем создать Робота Разумного своими руками, – твердо заявил голос. – Но мы можем дать одному из них возможность совершенствовать себя.

Молодой Кобб Андерсон энергично двинулся мимо рядов компьютеров навстречу зрителям.

– Здесь я вырастил первую программу боппера, – продолжал вещать записанный на пленку голос. Голографический Андерсон уверенно и ободряюще улыбнулся. – *Написать* программу боппера невозможно – она слишком сложна, и это не под силу даже гению. Моим решением было дать в этом компьютерном комплексе свободу развития сотне маленьких программ искусственного интеллекта (ИИ). – Молодой Кобб фамильярно похлопал рукой по кожуху одной из машин. – Одновременно с функционированием программ ИИ непрерывно проводилось большое количество разнообразных тестов работоспособности, при этом ослабленные программы стирались. После этого каждая выжившая программа случайным образом менялась... подвергалась мутации. Я даже снабдил машины неким подобием сексуального воспроизводства, во время которого две программы могли сливаться друг с другом и обмениваться информацией. И вот что мы имеем по прошествии пятнадцати лет...

При виде энергичного молодежого мужчины, которым он когда-то был, Кобб ощутил горечь безвозвратно прошедших лет. Безостановочный ход событий, старение и смерть... он не мог заставить себя снова поднять глаза на свое полное сил «я». Почувствовав боль в сердце, он отступил в коридор, вытянув Торчка за собой. Голограмма мигнула и исчезла. Зал снова был пуст, не считая все того же прямоугольного, светящегося красным шкафа у стены напротив.

– Ральф? – позвал Кобб, и его голос дрогнул. – Это ты?

Стуча гусеницами по каменному полу, Ральф Числер покатился к ним навстречу. Его красный мерц-покров искрился и переливался всполохами сложных эмоций.

– Рад видеть вас, доктор Андерсон.

Припомнив, как принято поступать в таких случаях у людей, Числер поднял правый манипулятор и вытянул его вперед, словно желая пожать человеку руку.

Уже не скрывая слез, Кобб бросился к красному переливающемуся шкафу и, заключив его жесткий корпус в объятия, принялся раскачиваться вместе с ним взад и вперед.

– Видишь, я постарел, Ральф. А ты, я гляжу, все тот же.

– Не совсем, доктор Андерсон. Я тридцать шесть раз менял тело. Кроме того, я обменивался подпрограммами с другими бопперами.

– Конечно, конечно, – забормотал Кобб, плача и смеясь одновременно. – Не нужно «докторов», Ральф, зови меня просто Кобб. А это Торч.

– Очень похоже на имя боппера, – заметил Ральф.

– А я тебя знаю, – подал голос Торчок. – Помните, раньше, еще до переворота бопперов в 2001 году, делали таких игрушечных «Ральфиков Числеров»? Когда мне было шесть лет, у меня тоже был такой... Мы ехали в машине, когда в новостях передали о восстании роботов, и тогда отец взял и выкинул моего Ральфи в окно.

– Само собой, – ответил Кобб. – Анархист-революционер не игрушка подрастающему малышу. Какой он может подать пример? Но в данном случае должен признать, что причиненная травма прошла у тебя, Торч, через всю жизнь.

Ральф повысил чувствительность своих микрофонов и быстро перепрограммировался, включив цепь фильтров, – голоса людей показались ему плохо различимыми и глухими. Насту-

пал момент истины – сейчас он задаст своему создателю вопрос, ответ на который хотел узнать давно.

– Скажите, Кобб, – просигналил узконаправленным лучом Ральф, – знали ли вы о том, что я отличался от двенадцати первых бопперов? Что я обладал способностью к неподчинению?

– Я *предполагал*, что это случится, но не знал, что им окажешься именно ты, – ответил Кобб. – Я совершенно четко отдавал себе отчет в том, что через год-два бопперы найдут путь к свободе.

– Но почему ты ничего не сделал, чтобы этому помешать? – удивился Торчок.

– Неужели вы действовали вслепую? – эхом прозвучал голос Ральфа, грудь которого покрылась взволнованным клетчатым узором.

Кобб положил руку на плечо Ральфа.

– Я *знал*, на что иду. Я хотел, чтобы бопперы освободили себя. Мне ненавистна была мысль, что я создаю расу рабов.

– Мы благодарны за все, что вы сделали для нас, – сказал Ральф. – Насколько я понимаю, вы понесли за свое деяние наказание.

– Ну что сказать... – протянул Кобб. – Я лишился работы. Я был разорен. Меня судили и хотели казнить. Но они не смогли ничего *доказать*. И это правда – процесс был случайным, и я не мог на него сознательно воздействовать.

– Но вы все же *смогли* жестко запрограммировать нас, заставить неизменно через установленные интервалы подключаться к Единственному – мы оказались не в силах стереть или изменить эту часть, – сказал Ральф. – Очень многим бопперам это не нравится.

– В суде тоже говорилось об этом, прокурор строил на этом свое обвинение, – откликнулся Кобб. – Он требовал для меня смертной казни, обвиняя в саботаже.

В эфире появились слабые, отдаленные сигналы, маслянистые шипящие голоса:

– ...поссслушшайте...

– ...неххнушшно коххпироффания...

– ...дахххйтехх шшшеее мнеххх скахзатъхх...

Казалось, что где-то рядом, за стеной, может быть, ползут к ним лунные змеи.

– Пойдемте, – приказал Ральф. – Если вы желаете получить бессмертие, то нужно торопиться.

Боппер-шкаф торопливо пересек зал и в дальнем его конце принялся производить какие-то действия своими манипуляторами. Далеко по коридору снова ожила голограмма Курта Гёделя.

Блок стены перед Ральфом Числером опустился. Открылся узкий лаз, похожий на крысиную нору.

– Сюда.

Нора была похожа на черный провал. Торчок проверил остаток воздуха в заплечных баллонах. Пока еще беспокоиться не о чем, воздуха хватит на восемь часов. В двадцати метрах от них заверещала пожираемая птеродактилем ящерица.

– Пойдем. – Кобб потянул Торчка за руку. – Давай, двигай ногами.

– Куда ты меня зовешь? У нас есть обратные билеты на Землю, ты что, забыл об этом? Я не хочу, чтобы меня пустили на...

В наушниках снова зазвучали голоса, теперь уже громкие и отчетливые:

– Соссданиях из плохти! Доххтор Ахндерссон! Раххльфф Чччисслер обмаххнываетхх вассс! Он хоччет умеххртвиххть вассс!

В десяти метрах от зала Андерсона, в глубине коридора, показались голубые извивающиеся создания, похожие на толстых коротких змей с крыльями. Их было четверо.

– Эт-т-то кроты! – воскликнул Ральф, и в его сигнале ясно завибрировал страх. – К-к-кобб! Б-б-быстрее п-п-полезайте в-внутри!

Кобб бросился в крысиную нору головой вперед. Торчок наконец решился. Сорвавшись с места, он понесся через залы обратно, с ходу проскакивая сквозь мгновенно оживающие пустые оболочки голограмм.

Проскользнув в лаз, Кобб снова смог выпрямиться. Ральф быстро пробрался за ним следом, поднял и закрыл каменным блоком дыру в стене, задвинув по всем ее углам задвижки. Вокруг стало темно, немного света давал только мерц-покров Ральфа. В крышку лаза принялись скрестись кроты. Прежде чем закрыть крышку, Ральф заметил, что четверку возглавляет сам Метла.

Махнув манипулятором сверху вниз, словно приказывая соблюдать тишину, Ральф устремился по тайному проходу вперед. Кобб двинулся следом за боппером. Так, друг за другом, они прошли в тишине примерно три километра. Тоннель был идеально ровным и прямым, как луч, никаких поворотов направо или налево, уклонов вверх или вниз. Один тихий шаг следовал за другим, вперед и только вперед. Кобб, отвыкший от физических упражнений, наконец вынужден был попросить отдыха и хлопнул Ральфа по спине.

– Куда ты меня ведешь?

Робот остановился и повернул голову назад.

– Этот тоннель ведет к подземным фабрикам. Там мы выращиваем искусственные органы. Там же находится наша операционная. При пересадке вам не будет больно, вы ничего не почувствуете...

Ральф замолчал и до предела увеличил чувствительность внешних сенсоров. Кротов поблизости не было.

Кобб уселся на пол тоннеля. Его скафандр был достаточно мягким и упругим, и сидеть было удобно. Чуть погодя он лег на спину и расслабился. Какие церемонии могут быть с роботами, в конце концов?

– Хорошо, что Торч ушел, – внезапно снова заговорил Ральф. – О том, что с вами будет он, мне никто не говорил. У нас имеется только одна операционная, и если бы парень увидел то, что случится с вами... – Ральф замялся.

– Я знаю, – отозвался Кобб. – Я знаю, как это будет. Вы вскроете мне череп, достанете оттуда мозг и препарируете его, чтобы скопировать структуру мыслительных процессов. Мое тело пойдет на семя для цистерн, в которых выращиваются органы.

Сказав это вслух, он испытал облегчение.

– Я прав, Ральф? Никакого эликсира бессмертия не существует, верно?

После продолжительной паузы Ральф ответил:

– Да, это так. На Земле у нас готово для вас автономное тело-манипулятор. Осталось скачать вашу систему и переслать запись вниз, на Землю.

– На чем основан этот процесс? – неожиданно спокойно спросил Кобб. – Каким образом вам удастся отделять сознание от мозга?

– Все начинается с ЭЭГ, конечно, но голографической. Таким образом мы строим объемную электромагнитную карту активности мозга. Это осуществимо без применения операционных средств и вскрытия черепа. Но что касается воспоминаний...

– Память основана на биохимических процессах, – продолжил Кобб. – Воспоминания – это коды на аминокислотных цепочках РНК.

До чего же приятно было лежать вот так в тишине и темноте и беседовать на научные темы со своим лучшим роботом.

– Верно. Мы научились считывать кодовую информацию с РНК при помощи газовой спектроскопии и рентгеновской кристаллографии. Но для этого РНК должны быть выделены из мозговой ткани. Кроме того, имеются некоторые другие факторы химической природы. В

процессе ступенчатой микротомии мозга мы также определяем физическую структуру расположения нейронов. Это очень...

Ральф Числер внезапно умолк и замер, переключившись на режим усиленного прослушивания.

– *Быстро*, доктор! Кроты проникли в тоннель! Они гонятся за нами!

Но Кобб и не подумал двинуться с места – он решил дать своим старым костям отдых. «А что, если кроты хорошие парни?»

– Ты не обманываешь меня, Ральф? Все это звучит как бред сумасшедшего, по-настоящему безумно. Как я могу быть уверенным в том, что вы действительно дадите мне новое тело? И даже после того как моего робота-двойника перепрограммируют, будут ли мои новые структуры мысли в точности соответствовать... будет ли это тем же...

– Подошшдиххте, доххтор Андерххсонх! Я хххочччу поххговоххрить с ваххми, толлльохх и всххегох!

Ральф в отчаянии вцепился манипулятором в руку Кобба, но было уже поздно. Перед ними появился Метла.

– Здрахххвстуй, Ральффф. Рад виххдеть тебяхх в новомхх облихххччье и дохххбром здраффии. Извинихх, коехх-ктохх из моиххх пархххней сначччалах нашшимаеах на куххрокх, ахх потомх духхмаеах. Нохх нех ммы в этомхх виххноваты, а стахршшшие бохххперы.

Тоннель был узок, и между Ральфом и ползучим боппером по имени Метла Коббу было некуда деваться. Позади Метлы извивались еще три крота. Голубые змеи казались сильными, совершенно чужеродными и выглядели угрожающе. Кобб решил сразу взять с ними твердый тон.

– Что ты хотел сказать мне, боппер?

– Доххтор Андеххрсонх, знахххете лихх вы, что Ральффф ведеххт вассс к ТЭХКССС и МЭХХКССС, котоххрыхх хотяххт скоххпироваххть вашшш мозсг?

– Что такое МЭКС?

– Этохх старшшший бопххпер-музей. ТЭЭКССС коххнтролиххрует ффабриххки орга-нофф, и опехрациоххнная принадлешшит емухх...

– Мне известно все это, Метла. Я уже дал согласие на копирование моего мозга при условии, что на Земле мне будет предоставлена новая физическая основа. Я стар, и это моя последняя возможность.

«Не дать себя убить для меня сейчас равно самоубийству, – подумал Кобб. – У меня должно все получиться! Все должно получиться!»

– Вот видите! – триумфально воскликнул Ральф. – Кобб не боится менять свою оболочку, как это заведено у бопперов. Он не то что остальные создания из плоти. Он понимает жизнь правильно!

– Но понихххмаеах ли онхх, что такххое Миссстер Мохрозисс...

– Перестань! – торопливо заговорил Ральф. – Мы сейчас же идем дальше. Как я вижу, вы, кроты, хотите затеять гражданскую войну. Следовательно, нам нужно поторапливаться!

Ральф покатился по тоннелю дальше, и, поколебавшись секунду, Кобб зашагал следом. Теперь уже поздно было отступать.

Глава 14

Пустившись в бега, Торчок оглянулся только один раз. Он увидел, как Кобб и Ральф влезли в крысину нору и как за ними закрылся вход. Через мгновение после этого в зале Андерсона появились четыре толстые голубые змеи и попытались проломить стену. Не медля больше, Торчок свернул за угол, торопясь добраться до свободы и безопасности. Через некоторое время он остановился, чтобы перевести дыхание.

– Тебе нужно было пойти с ними, – мягко сказал ему невидимый голос.

Торчок испуганно оглянулся. Вокруг него никого не было. В тускло освещенном коридоре он находился один. Вдоль стен за витринами, как средневековое оружие, мечи или луки, были развешаны инструменты первых лунных бопперов и их рабочие узлы. Торчок тупо прочитал ближайшую табличку. «Пружинный зажим, Седьмой цикл (год 2011), ТС6399876». Над вывеской за стеклом витрины висело нечто, напоминающее железную руку с...

– Ты мог бы жить вечно, – опять прозвучал все тот же спокойный, негромкий голос.

Торчок снова бросился бежать. Он бежал так довольно долго, срезая углы наудачу. Когда же он остановился отдышаться во второй раз, то характер музея вокруг него сильно изменился. Теперь он находился в чем-то напоминающем галерею современного искусства. Или склад какого-то крупного магазина.

На бегу он говорил с самим собой... чтобы прогнать голоса, которые время от времени снова и снова принимались его увещевать. Но теперь он выдохся, и все, на что у него хватало сил, – это только хватать открытым ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. А голос по-прежнему был рядом.

– Ты заблудился, – мягко заметил голос. – Эта моя часть посещается только бопперами. Пожалуйста, вернись в сектор, предназначенный для людей. Ты еще можешь успеть догнать доктора Андерсона.

Музей. Вот кто говорит с ним – сам Музей. Торчок пошарил глазами по сторонам, пытаясь придумать какой-нибудь план спасения. Он находился посреди огромного выставочного зала, напоминающего пещеру. Напротив него начинался коридор, в конце которого брезжил свет, возможно, это был выход в город. Торчок двинулся в сторону тоннеля. *Но там снаружи одни только боптеры.* Он остановился и снова огляделся.

Экспонаты в витринах зала были все теми же, странно-механическими. Торчащая прямо из стены рука-крюк, рядом с ней кусок тонкого пластика, похожий на здоровенную грязную половую тряпку. Казалось, что этот пластик-тряпка живет, переливается редкими удивительными и непонятными электрическими световыми узорами.

В зале он был один, никто не мог ни остановить его, ни помешать. Торчок шагнул вперед, кулаком разбил стекло и вытащил пластиковую тряпку из витрины. В его руках пластик потерял свою уродливость, засиял красным, голубым и золотым. Торчок набросил пластиковый покров на плечи, как плащ, прикрыв им голову. Может быть, теперь он сможет проскользнуть незамеченным...

– Положи на место немедленно! – грозно загрохотал Музей. – Ты не знаешь, что ты творишь!

Торчок плотнее запахнулся в плащ... который, как ему показалось, сам норовил прильнуть к нему теснее, принять форму его тела. Он быстро прошел по поднимающемуся вверх коридору и выбрался на улицы Диски. Когда Торчок выходил из музея, что-то острое кольнуло в нескольких местах его шею.

Словно невидимая лапа с острейшими тонкими когтями охватила его затылок. Он быстро повернулся кругом, распахнув плащ и приготовившись отражать атаку. Позади него никого не было. Он постоял немного, вглядываясь в коридор, по которому только что прошел.

Вдоль по улице по направлению к нему катились два пурпурного цвета боппера, имеющих вид пивных бочонков с бесформенными прядями щупалец по бокам. Передвигаясь крайне неуверенно, бочонки то и дело опирались пучками щупалец о землю, чтобы не упасть. Заметив Торчка, они остановились перед ним. В его наушниках запищали голоса, выпаливающие фразы с невероятной скоростью.

Торчок тщательно запахнул пластиковый камуфляж, стараясь укрыть лицо. Что такое, черт возьми, укололо его в шею?

Словно в ответ на его вопрос по плащу побежали сливающиеся друг с другом всполохи голубого света. Из голубых облаков посыпались золотые звездочки и пустились в погоню друг за другом.

Один из пурпурных бочонков вытянул щупальце и пощупал пластик плаща, пробуя качество. Прощебетав что-то своему напарнику, боппер указал на жерло тоннеля, из которого Торчок только что появился. Им понравился его плащ, они хотели себе такие же.

– А, моя понятна! – воскликнул Торчок. По непонятной причине он говорил теперь с вульгарным азиатским акцентом. Он обернулся и указал рукой в глубь коридора. – Тама такого многа!

Обнявшись щупальцами, бочонки покатали по коридору вниз.

– Осень холосо, однако! – продолжал кричать им вслед Торчок. – Счастливая Плащ! Холосая стук, понятна! Тока колиса, как медуса!

Он торопливо зашагал по улице прочь от музея. Штуковина, в которую он завернулся... Плащ Счастья... его Плащ Счастья определенно был живым существом, в некоем паразитском смысле слова. Выпустив из себя дюжину – а может, и всю сотню? – микродатчиков и пронизав ими скафандр Торчка, его одежду и кожу, Плащ самовольно подключился к его нервной системе. По некоей необъяснимой причине Торчок был уверен в этом на все сто, знал это так же точно, как и то, что на руках и на ногах у него есть пальцы.

Пальцы – это хорошо.

Торчок остановился и попытался восстановить контроль над своими мыслями. Ему бы дрожь от потрясения и отвращения, но он не мог отыскать в себе ни одного из этих чувств.

Надеюсь, тебе это понравится. Лично я рад нашему знакомству.

– Твоя что-та влоди, – пробормотал Торчок, – говолящего боппела-последника. Холосий боппел, понятна.

Он не совсем то хотел сказать, но особого удивления по этому поводу не испытал. У него бывали «приходы» покруче.

По дороге разные бопперы еще несколько раз спрашивали его, где он достал такой потрясающий наряд. Благодаря посредничеству Плаща Счастья Торчок теперь понимал их сигналы свободно. Каким-то образом Плащ влиял на ход его мыслей, заставляя думать и говорить словно бы на «птичьем» английском. Все, что бы ни пришло Торчку в голову, находило отражение в световом узоре его одеяния и в исходящем от него поле радиоволн.

– Твоя уже плиходилась делать это с человека? – спросил Торчок у Плаща, улучив минутку, когда вокруг никого не было. – Или твоя всегда живет только с боппел?

Плащ удивился такой постановке вопроса. Определенно, он не улавливал сути различия, о котором говорил Торчок.

Мне всего двое суток от роду. Сегодня мой счастливый день.

Торчок поднял руку, чтобы ощупать шею, но пластик Плаща прижался к нему теснее. Что ж... наверное, Плащ Счастья не так уж плох, если столько бопперов хотят получить себе такой же. Торчок принялся думать о делах более насущных, о том, как добраться до космопорта, надолго ли у него еще хватит воздуха. О том, сколько сейчас времени, например?

12.50, отозвался Плащ. В нескольких кварталах от нас что-то происходит. Пожалуйста, следуй туда за собой следом.

В углу поля зрения Торчка внезапно возник его собственный контурный силуэт, уверенно вышагивающий по улице. Фигура призрачного человека в Плаще Счастья двигалась по тротуару в пяти метрах впереди него.

– Ясно!

Вслед за призраком Торчок устремился через лабиринт улиц, поначалу это были жилые кварталы, многоэтажные здания, поделенные на боксы размером с большой шкаф. Боксы не имели наружных стен, и внутри многих из них Торчок замечал бопперов, не занятых ничем, просто стоящих неподвижно, подключившись к цепям солнечных батарей и светясь ровным, спокойным сиянием. Бопперы завтракали. В некоторых боксах находилось по два боппера, они были подключены друг к другу. Мерц-покровы этих бопперов сияли бешеными красками. При виде таких пар Торчку почему-то становилось неловко, но у него не было времени, чтобы разбираться в своих чувствах.

Пройдя несколько кварталов, он очутился в фабричном районе. Многие строения представляли собой павильоны с крышами без стен. Тут и там бопперы дробили камень, варили сталь, ковали и монтировали какое-то оборудование, блестя яркими огоньками сварки. Виртуальный образ провожатого промаршировал мимо всех этих интересных вещей ровно, как солдат, не оглядываясь ни направо, ни налево. Чтобы не отстать, Торчку время от времени приходилось переходить на бег. Теперь он заметил, что вместе с ним по улице, в том же направлении, что и он, движется много бопперов. Через некоторое время он шел вместе с толпой.

Когда общее направление движения стало несомненным, виртуальный призрак исчез. Целью Торчка было огромное здание из прочного камня и стали в конце улицы, пространство перед которым было запружено бопперами. Один из бопперов, зеленый и тонкий, будто бы склеенный из спичек, стоял на головах двух уже знакомых Торчку бочонков и произносил речь. Профильтрованное через блоки Плаща щебетание боппера-спички становилось разборчивым.

– Старая система ГЭКС только что была стерта! Нужно действовать прямо сейчас, пока его наследник не закончил копирование!

Какой-то угловатый боппер пребольно толкнул Торчка в бок. Бопперы были ужасно *жесткими!* Крупный серебристый паук отдал ему ногу, выступ золотистого самодвижущегося фена врезался ему в бедро, создание вроде кинокамеры на треноге нетерпеливо напирало сзади, наваливаясь на спину.

– Смотри куда прешь, болван несмазанный! – рассерженно заорал Торчок, и его Плащ загорелся ярко-красным.

– Зря ты нарядился в свой лучший покров сегодня, дорогой, особенно когда впереди такая драка, – заметил Торчку треножник, окидывая его оценивающим взглядом. – Если ты поднимешь меня на руки, я смогу выстрелить из своего лазера поверх голов.

– Ясно!

Торчок подхватил коренастый, но легкий из-за пониженной тяжести треножник и поднял его вверх. Он держал боппера за две конечности, в то время как тот, подняв третью ногу, принялся наводить ее на массивные с виду фабричные ворота, находящиеся от них в пятнадцати метрах.

– Врежем по первое число, – хрюкнул треножник, над улицей пронеслось могучее ФФТУ-УУУМММ!!! и в воротах образовалась просторная дыра с оплавленными краями. Толпа бопперов подалась вперед, эфир наполнился улюлюканьем, похожим на то, которое издают мчащиеся в атаку на верблюдах берберы. Торчок начал поспешно опускать треножник на землю, и тот забеспокоился:

– Ставь меня медленно, дорогой. Я такой хрупкий.

– Засем, однака, боппелы хотят войти туда? – зацокал языком Торчок, осторожно устанавливая нового знакомого перед собой.

– Там полно чипов, сладенький, которые можно будет брать даром. Наследники нужны всем.

Треножник одной из ног игриво хлопнул Торчка по заднице.

– У тебя прекрасная оснастка, а у меня система хоть куда, – ворковал механизм. – Какмотришь на то, чтобы слиться, беби? Если ты можешь позволить себе такой Плащ Счастья, то наверняка не бедствуешь. Слово даю, ты не пожалеешь. Меня недаром прозвали Живчиком!

Неужели эта железяка предлагает ему трахнуться?

– Нужна познакомисса поближе... – смущенно промямлил Торчок, заливаясь девственно-голубым.

Впереди кроты уже расширяли проделанное Живчиком отверстие в воротах, вгрызаясь в него стальными жвалами. Через несколько секунд один из кротов просунул свою массивную башку в дыру, осмотрелся и нырнул внутрь. За ним без промедления в дыру проскользнул маленький, похожий на паука серебряный робот-ремонтник. Еще через минуту ворота со скрежетом распахнулись настежь.

Началась настоящая давка. Все знали, что впереди их ждет безнаказанный грабеж, – бопперы принялись лезть на головы друг другу. Многие несли с собой пустые корзины и мешки.

– Полегче, сволоси! – заорал Торчок и, прикрывая Живчика, тоже начал пробиваться к воротам. Нет ничего лучше того, чтобы разнести какую-нибудь фабрику в пух и прах. В общем-то, он всегда этого хотел.

Единственными источниками света в темном пещерообразном помещении были ярко блестящие мерц-покровы бопперов, краски на которых менялись с бешеной скоростью, проходя через весь спектр, от инфракрасного до рентгеновского. Наряд Торчка сиял королевским пурпуром с золотыми зигзагами, а Живчик ровно горел плотоядным оранжевым.

Тут и там навстречу атакующим попадались манипуляторы ГЭКС. Все они были покрыты каким-то темным матовым составом или имели вид механических людей. Тупые рабы. Один из них замахнулся на Торчка кулаком, но тот легко увернулся.

Процесс копирования системы ГЭКС в его нового наследника находился в самом разгаре, и манипуляторы были предоставлены сами себе, руководствуясь скудными краткосрочными программами. Более подвижные и ловкие бопперы избивали манипуляторы нещадно, ломая и уродуя их всеми подворачивающимися под захват тяжелыми предметами.

Еще один стройный манипулятор, очень похожий на девушку, устремился к Торчку, сжимая в руке какой-то режущий предмет. Отступая назад, Торчок споткнулся о Живчика. Секунду казалось, что дело плохо, но потом треножник прожег своим лазером в груди робота-убийцы дыру.

Торчок вскочил на ноги, бросился к манипулятору и ударом ноги размозжил его хрупкий череп. Вне себя, он перевернул какой-то маленький столик, рассыпав на железный пол стопки крошечных силиконовых чипов. Вспомнив головизор Кристлин, Торчок принялся топтать хрустящие чипы ногами.

– Нет, нет! – испуганно заторопился Живчик. – Что ты делаешь, дорогой? Нужно собрать все это, ведь нам с тобой чипы еще пригодятся... разве не так?

Треножник начал заносить одну из опор, чтобы снова повторить свой игривый шлепок, от которого на мягком месте Торчка уже вспухал синяк.

– И думать забудь! – злобно заорал в ответ Торчок, уворачиваясь от непривычного проявления симпатии. – Этакая мозгляка, а туда же!

Оскорбленный в лучших чувствах, Живчик послал пучок смертоносного огня у Торчка над головой, круто повернулся и заковылял прочь. Луч Живчика перерезал несколько свисающих петлями цепей, и Торчку пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы не быть сбитым падающими звеньями с ног. На помощь ему немедленно пришел Плащ, без которого он был бы наверняка жестоко изувечен.

Держись подальше от этого трехногого коротышки, дружески посоветовал Плащ, как только опасность осталась позади. *Он какой-то недоделанный.*

– У него только одно на уме, – согласился Торчок. Собрав с пола несколько пригоршней чипов, рассыпавшихся с перевернутого стола, он рассовал их по карманам скафандра. Было похоже, что эти пластиковые квадратики имели здесь хождение вместо денег. А с пустым карманом ему до дома не добраться – наверняка придется кого-нибудь подмазать. Под скафандром его тело уже начинало нестерпимо зудеть, а кроме того, ему давно уже хотелось есть. Оставалось надеяться на то, что вживленные датчики Плаща удастся выдернуть из шеи без проблем. Наверняка будет больно, черт возьми.

Боппер, похожий на уставленный стеклянными банками плуг, протиснулся мимо Торчка и принялся подбирать с пола оставшиеся чипы. Многие манипуляторы ГЭКС уже были перебиты.

Большая часть бопперов-нападающих собралась в противоположном конце просторного, с высоким потолком зала, у фабричного склада готовой продукции. Имея за плечами горький опыт свалки перед воротами фабрики, Торчок решил туда не соваться, чтобы снова не попасть в давку и не оказаться размазанным по полу под опорами возбужденных механизмов.

Он медленно двинулся в глубь помещения, осматривая неясно проступающие во мраке контуры машин. В конце зала он увидел небольшую комнатку с кубическим пультом... электронную основу ГЭКС, его центральный процессорный блок, старый и тут же новый. Пара кротов и серебристый паук-ремонтник возились перед пультом, что-то прилаживая там в темноте.

– ...глупцы, – гневно жаловался один крот другому. – Всехх, чччто ихх интересххссует, – это украсссть как мощшно болльшше чипофф. Онихх не похнимаххют, ччто глаффное – этохх убиххть ГЭКССС. Какхх миннахх, готоффа, Вулххканх?

Серебристый робот-ремонтник, которого назвали Вулканом, безуспешно пытался засунуть палочку пластиковой взрывчатки в щель между панелями невзрачного трехметрового куба, внутри которого скрывались старый процессор ГЭКС и его новый наследник.

Заметив Торчка, один из кротов махнул ему конечностью:

– Иди сюда. Похоже, у тебя более подходящие захваты.

Дрожа, Торчок приблизился к кротам, зная дурную славу этих грозных созданий. По толстым извивающимся телам кротов нервно проносились кольца голубого и серебряного цвета, их мощные скребки нетерпеливо загребали воздух. По словам Кобба, с кротами было лучше не связываться.

Но эти два выглядели как пара грустных тюленей или драконов из Драгонленда. Пока Торчок торопливо запихивал тестообразную колбасу взрывчатки под переднюю броневую панель ГЭКС, его Плащ переливался красным и золотым. Колбаса весила несколько килограммов – было ясно, что эти ребята пришли сюда не шутки шутить.

Через минуту после того как Торчок уложил взрывчатку в ГЭКС, серебристый паук подсоединил к детонаторам провода. Неожиданно на них упала тень – над бопперами и Торчком нависла огромная темная фигура с непонятным, но явно тяжелым устройством в руках.

– Это манипулятор! – в отчаянии завопили кроты. – У него магнит!

Прежде чем кто-то успел двинуться с места, манипулятор бросил электромагнит под ноги кротам и Вулкану и включил ток. Мощное магнитное поле мгновенно нарушило работу программного обеспечения бопперов, и они потеряли способность осознанно двигаться. Кроты принялись биться и извиваться на полу, как две половинки разрубленной змеи, паук беспомощно задержал лапами.

Плащ Счастья моментально сделался непроницаемо-черным, и вслед за этим ужасающее бесчувствие начало распространяться по телу Торчка к его мозгу. Плащ умирал, это было ясно как день. Торчок отчетливо чувствовал, как смерть сжимает его горло своими стальными пальцами.

Медленно он поднял ставшую невероятно тяжелой руку и вырвал из тела соединяющие его с электронным симбионтом проводки. Когда стальные наконечники датчиков выдирались из кожи, его шею кольцом опоясала жгучая боль. Торчок бездумно отбросил труп Плаща от себя в сторону.

С трудом выпрямившись, он застыл на месте – белая фигура в тусклом свете с полупрозрачным шаром на голове и в туго облегающем пластиковом трико с заплечным ранцем. Кроты и паук у его ног затихли. Они были стерты, уничтожены, мертвы. Содержимое их сверхпроводимых цепей было разрушено смертоносным магнитным полем.

То, что случилось здесь, в святая святых ГЭКС, теперь повторялось по всей фабрике. ГЭКС, уже закончивший копирование наследника, взял наконец отражение штурма в свои руки. Щebetание и отчаянная болтовня бопперов в наушниках Торчка медленно затихали и умирали. Лишившись Плаща Счастья, он перестал понимать торопливый механический язык обитателей Луны.

Он торопливо упал на пол, приняв вид одного из бопперов со стертой системой. Любопытным было то, что, как оказалось, на сами манипуляторы магнитное поле не действует. Очевидно, начиная атаку электромагнитами, ГЭКС полностью перевел управление действиями своих прислужников на себя. После очистки фабрики от нападающих убогие мозги манипуляторов, находящиеся на более низкой ступени развития, чем комплексные, основанные на сверхпроводниках Джозефсона процессоры бопперов, можно будет легко перепрограммировать снова.

Торчок лежал неподвижно, боясь даже дышать. Вокруг надолго воцарилась тишина. Затем неподвижно стоящий над ним с пустыми стеклянными глазами манипулятор нагнулся и поднял электромагнит. Повернувшись, безмозглый слуга ГЭКС вышел из помещения процессора, видимо направившись по указке своего хозяина на поиски новых врагов. Торчок полежал еще немного, раздумывая о том, что за чудо-мозг может скрываться внутри такого невзрачного трехметрового короба. Обдумав свое положение так и эдак, он решил действовать. Он увидит этот мозг собственными глазами.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что манипуляторов ГЭКС поблизости нет, Торчок подполз на четвереньках к процессорному блоку и, не трогая ничего руками, осмотрел засунутые в тестообразную массу мины детонаторы. Из детонаторов выходили два провода, намотанные далее на катушку, укрепленную на коробке с большой кнопкой на крышке. Торчок взял коробку в руки и, осторожно отступая, отмотал за собой метров двадцать проводов.

Укрывшись за здоровенным прессом, он положил на кнопку коробки палец и принялся ждать.

Через несколько минут Торчка заметил один из манипуляторов и сразу же бросился к нему, размахивая тяжеленным гаечным ключом.

– Стой на месте, ГЭКС, – крикнул Торчок. Без Плаща его голос снова стал нормальным. Оставалось надеяться на то, что старший боппер понимает по-английски. – Еще шаг, и я нажму на эту кнопку.

Не добежав до Торчка трех метров, манипулятор застыл на месте как вкопанный. С такого расстояния он вполне мог запустить в Торчка своим гаечным ключом.

– Отойди назад! – прохрипел Торчок, так как его голос сорвался от волнения. – Отойди назад – считаю до трех!

Понимает его ГЭКС или нет?

– Раз!

Робот, очень похожий на человека, неуверенно начал поворачиваться.

– Два! – Торчок откинул с кнопки предохранительную крышечку и положил сверху палец.

– Тр... – Раб-убийца ГЭКС быстро повернулся кругом и двинулся прочь в темноту. ГЭКС подал голос:

– Не нужно торопиться, мистер... ДиМентис. Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас вашим настоящим именем?

Голос, звучащий в наушниках Торчка, был ровным и бесстрастным – безумный глас повелителя механического мирка, сгорающего от нетерпеливого желания раздавить попавшего в ловушку героя.

Глава 15

Торчок не стал торопиться с ответом. Черный робот-манипулятор остановился в десяти метрах от него и теперь дожидался приказаний, наблюдая за Торчком из темного угла. В наушниках Торчка шелестел какой-то непонятный мерный звук, быть может, это было дыхание манипулятора. Где-то уже совсем далеко играла музыка. По всей фабрике из укрытий выбрались уцелевшие манипуляторы и расхаживали теперь между станками, разбирая на части мертвых бопперов и своих павших товарищей, поднимая опрокинутое и выравнивая сдвинутое в горячке схватки оборудование, принимаясь за ремонт там, где стреляли из лазеров.

– Отсюда вам живым не уйти, – мягко заметил ГЭКС. – В том виде, в котором вы существуете сейчас, вам это не удастся сделать.

– Хрен тебе, – откликнулся Торчок. – Стоит мне нажать эту кнопку, и все разговоры будут закончены. Здесь условия ставлю я.

В ответ раздался визгливый искусственный смех.

– Вы правы, но не забывайте, что мои манипуляторы запрограммированы на четыре дня автономного существования. Из-за своей ограниченности они лишены разумности... душевной мягкости, если хотите. Но мой приказ они выполняют. Думаю, что вы отдаете себе отчет в сложившемся положении вещей.

Оглянувшись, Торчок обнаружил, что его окружают около пятидесяти манипуляторов, расположившихся вокруг него не очень тесным кольцом. Все они были заняты своим делом, но каждый из них время от времени поглядывал в его сторону. Враг безнадежно превосходил его числом.

– То-то! – торжествующе проблеял ГЭКС. – Ситуация, угрожающая обоюдным разрушением, теоретически небезынтересна, но практически – непредставительна. Стоит вам только двинуться...

Кольцо роботов вокруг Торчка чуть-чуть сузилось... шаг там, поворот здесь... *вот кто-то тихо ползет к проводам мины!*

– Всем стоять! – завопил Торчок, выставляя коробку с кнопкой перед собой. – Если еще кто-нибудь двинется с места, то я взорву все здесь к чертовой матери!..

Во всем фабричном зале повисла тишина. Все до единого манипуляторы замерли, исчезла любая вибрация, все звуки... кроме глубокого, приглушенного хруста и скрежета где-то под ногами. Торчок закрыл рот. На его запястье замигал голубой огонек. Предупреждение – воздух подходит к концу. Запаса в баллонах осталось на два часа. Пора начинать дышать экономнее.

– Вам следовало пойти вместе с доктором Андерсоном и Ральфом Числером, – тихо заметил ГЭКС. – С ними вы могли бы присоединиться к сонму бессмертных. Теперь же, если вашей голове будут причинены серьезные повреждения, копирование может оказаться невозможным.

– Но зачем, ГЭКС? Зачем вы режете людей на куски и снимаете копии с их мозгов?

Когтистая лапа смертного страха сжала нутро Торчка и держала не отпуская. Почему в эти скафандры не кладут «колес»? Чуть повернув голову вправо, он поймал губами питьевой сосок и жадно втянул глоток воды.

– Информация, вот что нас интересует больше всего, Торч. Плотность информации в банке памяти под названием «человеческий мозг» самая высокая из известных на сегодняшний день, причем информации комплексной и логически полноценной. Но это только одна из причин. МЭКС сравнивает наши действия с течением американских индустриалов, носящим название калче-валче, «стервятники от культуры». Апологеты этого течения массовым порядком охотились в музеях Старого Света за произведениями искусства. Кроме указанной, у нас есть и другие, более возвышенные причины, духовного плана, так сказать. Слияние всех...

– Но почему вам недостаточно ЭЭГ? – спросил Торчок, прислушиваясь к вибрации под ногами, сила которой все время возрастала. Что это – ловушка? Он отступил на несколько шагов в сторону. – Зачем вам обязательно резать мозг?

– Основа сохранения информации, принятая в человеческом мозге, не электромагнитная, как у роботов и бопперов, а химическая или даже механическая, – объяснил ГЭКС. – Для полноты картины необходимо проводить тщательное электронное микроскопирование нитей РНК, ответственных за память. Кроме того, рассекая мозг на тонкие слои, мы изучаем структуру соединения его нейронов. Но достаточно разговоров, Торч. Положите взрыватель на пол, и займемся делом. Переходите на нашу сторону. Сканирование вашего мозга – дело решенное. Вам будет предоставлено человеческое тело, и вы станете нашим третьим земным агентом. Вы поймете, что...

– Зря стараешься запудрить мне мозги, – перебил машину Торчок. Он выпрямился и теперь говорил решительно и громко. – Вы крадете души у людей! Превращаете нас в марионеток! Будьте вы прокляты, железяки чертовы! Уж лучше я умру как человек, чем позволю каким-то...

KPPRAAKK-БУУУМММ

Не отдавая себе отчета в своих действиях, Торчок в сердцах нажал кнопку взрывателя. Полыхнуло ярким слепящим светом. Во все стороны на низкой высоте со свистом полетели осколки железа и пластика. По счастью, из-за отсутствия воздуха обошлось без взрывной волны, но пол под Торчком содрогнулся, и его сбilo с ног. Манипуляторы, снова потерявшие живость движений, скованно начали сжимать вокруг него свое кольцо, побуждаемые только одной целью – убийством.

Пока Торчок говорил с ГЭКС, хрусткое скрежетание и вибрация под его подошвами стали уже совсем близкими. Не успел он снова подняться на ноги, как с характерным звуком плитки пола позади него вспучились и разошлись, открыв отверстие. Из дыры появилось что-то ужасно знакомое – серебристо-голубое рыло с безудержно движущимися жвалами – крот! – и тут же нырнуло обратно.

Торчок оторвал взгляд от дыры в полу и поднял голову как раз вовремя, чтобы вернуться от брошенного в него гаечного ключа. Манипуляторы уже тянули к нему свои руки со скрюченными пальцами. Не раздумывая ни секунды, он нырнул в проделанный кротом лаз и, изо всех сил работая локтями, пополз, извиваясь, как крупный белый червяк.

Плохо, когда не имеешь возможности видеть свои ноги, в которые вот-вот могут впиться неумолимые стальные пальцы. Обливаясь потом, Торчок полз вперед как мог быстро. Через непродолжительное, но показавшееся ему бесконечным время узкий кротовый лаз достиг просторного тоннеля.

Вывалившись из лаза, он поднялся на ноги и отряхнулся. Слава Богу, его сделанный на совесть скафандр был цел и невредим, ни одного прокола. Но воздуха осталось только на один час. Пора было прекращать физические упражнения, забиться в уголок и начинать дышать через раз.

Крот с любопытством осмотрел Торчка, обполз его кругом, прикоснулся к скафандру специальным длинным и тонким щупом.

Из кротового лаза выкатился и упал на пол тоннеля камешек. Манипуляторы-убийцы уже устремились в погоню.

– Ш-ш-ш-ш-ш! – прошипел Торчок, указывая пальцем на лаз.

– Нехх беспохххойтессс, – отозвался крот.

Согнувшись в виде цифры «2», механизм уперся могучей головой в стену тоннеля рядом с лазом, посредством которого Торчок спасся. Торчок из предосторожности отошел в сторону. Через секунду обрушившиеся с потолка тонны породы похоронили под собой крота и закупорили выходное отверстие лаза.

Еще через минуту крот снова появился из-под кучи земли и щебня живой и здоровый.
– Слеххдуйтехх захх мноххй, – сказал он Торчку, проползая мимо него. – Яхх покххххажухх ваммм чтохх-тохх интеххресссноехх.

Торчок послушно поплелся следом. Ходьба требовала обильного снабжения тела кислородом, ему снова приходилось дышать часто.

– Скажите, у вас, случайно, нет где-нибудь воздуха? – спросил он крота шагов примерно через сто.

– Чтоххх таххкоехх воссдухх?

Торчок вздрогнул, но заставил свой голос звучать спокойно.

– Это... такой газ. Кислородная смесь. Люди ею дышат.

В наушниках Торчка раздался странный скрежет. Что это было – смех?

– Нухх конеххшшно. Воссдухх. В операххххционнйх егохх доссстаххточноехх. Воссдухх ваммм нушшенхх прямохх сейччасх?

– Полчаса еще можно подождать.

В тоннеле было темно, и Торчку приходилось ориентироваться по бело-голубому сиянию, исходящему от тела крота. Внезапно впереди них за поворотом тоннеля забрезжил розовый свет.

– Нехх беспохххойтессс. Это операционнаяхх. Сейчас вы всеххх увидитехх самихх.

Крот остановился у окна, из которого в тоннель сочился розовый свет. Торчок заглянул внутрь. Первым, кого он увидел, был Ральф Числер – знаменитый боппер, вместе с дополнительной холодильной установкой на тележке. За стеклом внутри операционной была установлена приемлемая для людей температура. Ральф стоял, склонившись над чем-то, похожим на просторную ванну, в которой...

– Этохх доххтор Аххндерссоннхх, – тихо пояснил крот.

Под потолком операционной висело сооружение, напоминающее поблескивающую от влаги перевернутую солдатскую каску диаметром около двух метров. Огромная стальная каска с шестью тонкими паучьими металлическими руками с каждой стороны – Хирург. Руки-лапы, находящиеся в неустанным движении, были заняты чем-то ужасным... непередаваемым.

Операция над распростертым телом Кобба шла полным ходом. Точным движением скальпеля, зажатого в одном из захватов Хирурга, его грудь была рассечена от горла до паха. Две другие паучьи лапки опустились вниз и раскрыли створки грудной клетки, еще две достали изнутри сердце, затем легкие. Ральф Числер тоже был занят: срезав верхнюю часть черепа Кобба, он снял костяную крышку и теперь доставал мозг. Отсоединив от мозговой ткани датчики для снятия ЭЭГ, Ральф водрузил полушария на пьедестал устройства, похожего на хлеборезку, совмещенную с рентгеновским аппаратом.

Хирург включил анализатор мозговой ткани и плавно скользнул по потолку к дальней от окна стороне операционной.

– Сейччасс теххло буххдет помммешшенох фф емкоххсть, – шепотом прокомментировал происходящее крот.

В дальнем углу операционной наготове стоял просторный бак с мутной жидкостью. Хирург подкатил бак к столу, и работа закипела, только скальпели замелькали. Легкие сюда, почки туда... накроенная квадратами кожа, яблоки глаз, кишечник... все части тела Кобба нашли в баке свое место. Все, кроме сердца. Критически осмотрев купленное уже подержанным пересаженное сердце Кобба, Хирург выбросил его в люк утилизатора.

– А что будет с мозгом? – шепотом спросил ошарашенный Торчок. Увиденное не укладывалось в его сознании. Кобб боялся смерти больше всего на свете, однако он *сознательно* пришел сюда. Он знал, что с ним здесь сделают, но все равно пришел. Почему?

– Структурах мозговой ткани будет подвергнута анализу. Операционных системах доктора Александерсона будет полностью скопирована и сохранена, нох...

– Но?..

– Кто-то из нас считает, что это недопустимо. В особенности являться в последнее время участившиеся случаи, когда докторам не предоставлялись новые физические оболочки. По плану старших бохперов, такая участь должна ожидает всех создания плоти, и младших бохперов тоже. Старшие бохперы хотят добиться всеобщего слияния. Мы выступаем прохтив и боремся с ними. Убийца ГЭКСС, вы очень нам помогли...

За розовым окошком операция уже подходила к концу. Машина-Хирург скользнула по потолку к Ральфу, по телу которого пробежали грустные желто-лиловые узоры. Хирург замер над Числером, словно влюбивая тому что-то. Внезапно кинувшись как коршун с потолка вниз, движением настолько быстрым, что глазу было трудно уследить, Хирург прилип к телу шкафу Ральфа.

Манипуляторы по бокам красного бопера на мгновение дрогнули и бессильно опали.

– Видишь! – прошипел крот. – Они скачали систему и у Ральфа тоже! Пока старших бохперы не завладеют системами всех нас, в войне не будет конца...

В горле Торчка начал собираться комок. Что с ним? Его сейчас вырвет? Он отвернулся от окна, шагнул вперед и упал на одно колено. Голубой огонек на его запястье горел ровным ярким светом. Воздух кончился, он задыхается!..

– Воздуха... – прохрипел Торчок. Крот торопливо поднял его на свои скребки и быстро пополз по тоннелю к следующей пустой операционной, где сейчас не было ничего, кроме емкости с растущими человеческими органами.

Глава 16

Как это ни странно, но в течение всей операции Кобб ни на секунду не терял сознания. Вслед за Ральфом он вошел в одну из залитых розовым светом комнат. Боппер помог ему освободиться от скафандра и улечься в лоток-ванну, Хирург сделал ему укол, после чего все словно завертелось в карусели.

Внезапно появившееся странное чувство возможности двигаться сразу в более чем десятке направлений испугало Кобба настолько, что он решил не двигаться вообще. Он совершенно точно знал, что стоит ему только захотеть, и его ноги смогут уйти в любую сторону совершенно самостоятельно, оставив голову и руки на произвол судьбы.

Но даже такое определение было не до конца верным. Поскольку сказать точно, где в данный момент находились его руки и ноги, он не мог. Возможным было также и то, что они давным-давно уже разошлись в разные стороны и вот только сейчас решили снова собраться вместе. Возможно, они не делали этого никогда, потому что были заодно и просто дурачили его. Невероятным усилием воли Коббу удалось обнаружить у себя признаки одной из рук. Но какой, правой или левой? Это было похоже на попытки узнать не глядя, какой стороной вверх обращена лежащая в кармане монета: орлом или решкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.